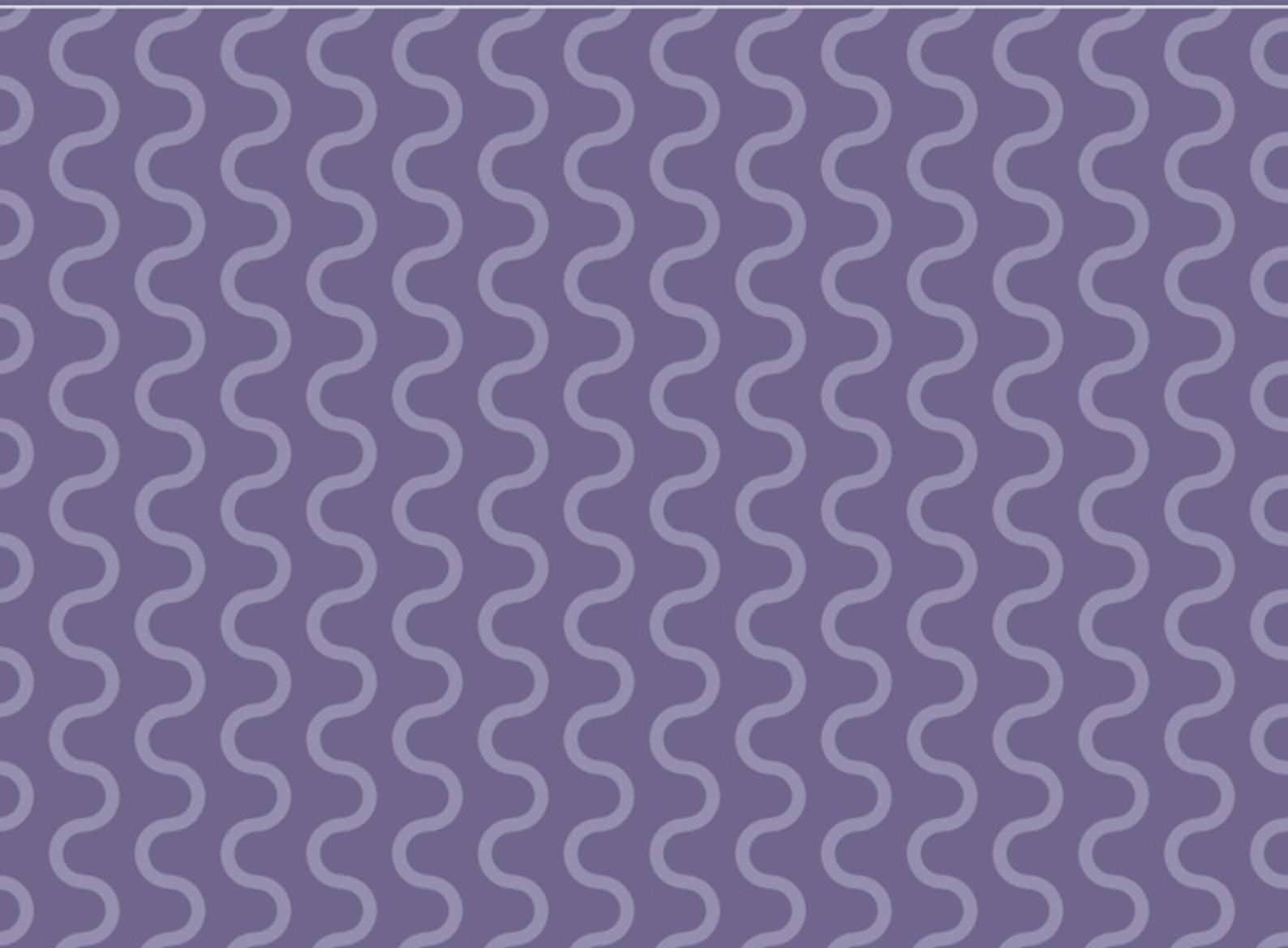

Валерий Протасов

Река времени

Дневники и записные книжки

Валерий Протасов

**Река времени. Дневники
и записные книжки**

«Издательские решения»

Протасов В.

Река времени. Дневники и записные книжки / В. Протасов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749567-1

Книга В. В. Протасова «Река времени» представляет собой миниатюры из дневников и записных книжек за пятьдесят лет, с 1950-х до 2016 г. Это размышления о событиях прожитых лет в формах и образах лирических дневников.

ISBN 978-5-44-749567-1

© Протасов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	11
«На заре туманной юности»	12
«Вещие зеницы»	12
Грех познания	13
Весна	14
По мотивам А. Грина	15
«Маленький человек»	16
Великое и малое	17
Луч надежды	20
Болезнь	21
Работа и труд	22
Опасность	23
Свобода	24
Поэты	25
Капля дождя	26
Тайна А. Блока	27
Образ и ритм	28
Язык	29
Игра слов	31
Покой и беспокойство	32
Песни	33
Эхо печали	34
Переходное время	35
Меньшие братья	36
Старый спор	38
Красота	39
Миг	40
Самотёк	41
Ритм	42
Искусство и наука	43
В фокусе любви	44
Ум и чувство	45
Мысли и слова	46
Сказка души	47
Несовременный человек	48
Сила чувства	49
Загадка	50
Рационализм	51
Глоток воздуха	52
Марксисты	53
Время социализма	54
Идеалы	55
Плоть и дух	56
Равновесие	57
Женская душа	58
Иностраннный роман	59

Искусство как приём	60
Условности	61
Двойственный путь	62
Станный город	63
Случайное знакомство	64
Болезни роста	65
Личное и общее	66
У порога зрелости	67
Новая жизнь	68
Чёрный год	69
Атеизм	70
Зима	71
Личное мужество	72
Ложные святые	74
Надо...	75
Все и каждый	76
Дух	77
Ложь	78
Трагедия	79
Золотые яблоки	80
Перекличка	81
Лишние люди	84
Обиды	86
Время зрелости	87
Измена	88
Чужая культура	89
Простота	90
Пушкин	91
Пословицы	92
Категоричность	93
Юмор	94
Ирония	95
Интеллигентность	96
Книга	97
Пустоты	98
Сон разума	99
Равнинный характер	100
Анкетный вопрос	101
Жизнь и свобода	102
Вера	103
Лев Толстой	104
Совесь народа	105
Литература	106
Выбор	107
Дворянское воспитание	108
Письма Чехова	109
Современный анекдот	110
Чехов и музыка	111
Дух милосердия	112

Жестокость	113
Умные и глупые	114
Общее и своё	115
Всечеловечность	116
Воля личности	117
Одиночество	118
Пустынники	119
Бесконечность	120
Память	121
Кирилл и Мефодий	122
Красота	123
Плохие стихи	124
Искусство	125
Огонь Прометея	126
Внутреннее время	127
Счастье	128
Вечный студент	129
Музеи	130
Огонёк на болоте	131
Общее благо	132
Творческое усилие	133
Диалектика революции	134
Одушевлённая вселенная	135
Аура	136
Ещё об А. Блоке	137
Дом и семья	138
Глубокий источник	139
Возмутитель спокойствия	141
Причины несчастий	142
Культовое сознание	145
Наука о литературе	146
Гордыня	147
Сценка в воображении	148
Старые боги	149
Талант	150
Душа с душой говорит	151
Фантазии	152
Самовнушение	153
Суеверия	154
Пушкинские дни	155
Снежный ком	156
Дух многоглаголенья	157
Дуэльные сюжеты	158
Ещё сравнения	159
Полуправда	160
Комплексы	161
Опыт ошибок	162
Деловые люди	163
Печальная картина	164

«Все лезут в перья...»	165
Литературное чудо	166
Целебная смола	167
Источник счастья	168
Дым	169
Съезд писателей	170
«Мы не дружные»	171
Человек и народ	172
«Молодой писатель»	173
Пленум	174
Споры	175
Книга верности	176
Провинциальная литература	177
Время	178
Подвиг прощенья	179
Русский язык	181
Словари	182
Река и ручейки	183
Поэзия	184
Песок в колесе	185
Макулатура	186
Цыгане	187
Письмо	188
Прогресс	189
Пустота или воскресение	191
Роковой день	195
Ремесло	197
Полнота внимания	198
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Река времени

Дневники и записные книжки

Валерий Протасов

© Валерий Протасов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Валерия Владимировича Протасова «Река времени» относится к тому виду записных книжек и дневников, в которых главное – не события и факты, а их переживание и осмысление. Записки и дневники охватывают большой период жизни длиной более полувека, от «времени пробуждения» 1950-х г. г., с которым совпала юность автора, вплоть до середины второго десятилетия 21-го века. По сути, это история личности от юности до зрелости, своеобразный мемуарный роман в форме фрагментов «о времени и о себе». Эта книга размышлений для вдумчивого читателя.

«В Космосе существует огромная Река Времени»

Орис.

Реку времени не остановишь ни на Земле, ни выше. Она течёт и течёт, как и полагается реке. В неё нельзя войти дважды. Но как хочется. И иногда удаётся, и даже не дважды, а сколько захочешь.

Всякая душа интересна миру.

Всякая родственна другой душе.

*Как бы ни был мал человек, он сознаёт себя частицей целого порядка,
в котором ему отведено известное место.*

Записные книжки и дневники как след целой жизни.

Одна просьба: не читать всё сразу. Нельзя разом пропустить через себя то, что накапливалось годами.

От автора

Говорить ли мне об оставленной за плечами юности так, как это сложилось в моих тогдашних записках, или судить прошлое строгим взором пожившего человека, для которого она прошла, забылась и создается заново в воспоминаниях? Нет, пусть скажет она сама, какую она была в те далёкие годы, когда мальчики моего поколения входили в жизнь. Записки расскажут о том, как воспринимали мир молодые люди более полувека назад. У каждого судьба сложилась по-разному, но было и что-то общее. Мы росли на правилах чести, на представлениях о дурном и хорошем. Каждый унёс в больший мир идеалы дворового рыцарства. Некоторые имели мужество сохранить их до седых волос. Воспоминания о детстве и отрочестве остались для многих из нас лучшим, что было в жизни. В юности мы учились слушать сердце человека.

А что происходило потом, разве менее интересно? Деревце росло, в каждом его кольце собраны следы солнца и переменчивых дней, радости и боли.

Дневники и записные книжки помогут прочитать историю жизни, в которой для читателя откроются и близкие, знакомые черты, и что-то новое, способное обогатить его сознание, озвучить музыку возможного, сбывшегося или несбывшегося.

Здесь собраны не случайные описания, а вспьшки и сгустки пережитого, родившиеся в естественной языковой форме. На них отпечаток мгновения. Отсюда фрагментарная форма повествования.

**«На заре туманной юности»
1957—1960 гг.**

«Вещие зеницы»

Как это случилось, что я стал понимать самые сложные вещи сразу и вдруг? Это было, как будто «отверзлись вещие зеницы». Боль открыла мне тайны души.

Грех познания

Жить, быть счастливым — это значит на всё смотреть простыми глазами. Но вечно быть ребёнком невозможно. Грех познания рано или поздно совершается — и счастье утрачено. Но и это естественно — и вряд ли может быть иначе. И если бы мне сказали: останься таким, как был, я бы, наверное, не согласился.

Весна

Небо раскрывается, становится прозрачнее, выше, глубже, как будто с него слезает старая зимняя шкурка, а новая так чиста, так младенчески нежна, что ей больно даже от солнечного света. И на душе так же смутно, всё ноет и плачет.

Как странно, люди забыли, что жить надо любовью, большой и малой. Боже, как высушены сердца и ожесточились души!

Что вы ищите, люди, к чему стремитесь?

Страшно, что любить, как любят в юности, а здоровые люди всю жизнь, многие уже не могут.

Плод, ради которого прародители наши, Адам и Ева, ослушались Творца, потерян нами или уже съеден?

По мотивам А. Грина

В Лисс ушёл корабль из Зурбагана, в час вечерней зари, когда отблески дня сгустились в узкую полосу на скате гаснущего неба. Тусклые краски вечера меркли в таинственной дали. Восток был чёрен, а на западе узкой полосой догорало ушедшее солнце.

Обстоятельства и люди стремились меня переделать и только запутали. А надо было дать мне волю — и тогда увидели бы, что только так я и мог быть самим собой. Сгорел бы, но пламенем.

Живых людей часто не замечают, вычеркивают из жизни без сожаления и спохватываются только тогда, когда видят их физическую смерть.

На старом фото мальчик в чёрном пальто с поднятым воротником, в белом кашне и кепке (по моде пятидесятых), с глазами доверчивыми и чистыми, но уже полными печали. И этот мальчик умер. Его убили. Я хорошо помню, как это было. Он умирал несколько раз, но этого никто не видел, не понимал.

И так было не со мной одним.

«Маленький человек»

В социализме понятие «человек» поднято на государственную высоту. Но это человек вообще, а отдельная личность, «маленький человек», забыт. Его не любят, боятся, даже ненавидят. Свободная воля мешает воле государства. Но из множества «человеков» с маленькой буквы состоит большой Человек. Нет его – нет и человека вообще, и в отдельности.

В мире капитализма многое наоборот. Он весь состоит из «маленьких» людей, желающих стать большими с помощью денег. «Маленький человек» там везде, он стоит у порога гостиницы «Большого», но и запаха этого большого не чувствует. Дверь плотно закрыта.

Великое и малое

Великие и маленькие люди одинаковы в гораздо большей степени, чем сами об этом думают. Те и другие принимают свою зубную боль за объективный закон мира. Если великого человека, то есть, ставшего известным благодаря тому, что он делал или говорил, не любила ни одна женщина, он создаст теорию о безобразности любви, а если любили многие, то он сравнит любовь с прахом у ног своих.

То, что происходит на Западе, внушает тревогу и опасение, внутреннее несогласие. Запад деградирует. Северная же Америка (Соединённые Штаты) просто антигуманна. Если мы пойдем по этому пути, нас ждёт та же судьба.

Может случиться, что мы скоро станем ужасная нация, хуже американцев. У нас исчезнут даже тени, призраки идеалов. Мы ослепнем и объедемся, и всё же будем голодны, дух наш заснет, материальное закроет от нас Свет.

Мы посягаем на свободу с какой-то непонятной враждебностью. Идеалы живут в немногих. И чем дальше, тем меньше будет таких людей. Массы же будут всё беззаботнее относиться к идеалам как к утопиям и ненужным мечтам.

Мы живём в эру мрака и сумерек. Ясности рассудка нам не хватало всегда. При нынешнем режиме, когда попытка самостоятельного мышления приравнивается к преступлению, разуму вообще не находится места.

Америку ругают за вульгарный материализм. У нас вырастает нечто еще более ужасное: обезчеловечение личности, из которой выхолащивается всякая сущность, кроме безропотного подчинения обрядам и догмам официальной политики.

Марксизм – это пророчество последнего скачка, атеистического царства общего счастья, где волки уживаются с овцами.

После разрушения культа личности Сталина общим местом стало обращение к Ленину. «Был бы жив Ленин...». Но ведь он-то и был у истоков террора; революция, коммунизм были его заветной и сокровенной мечтой, семнадцатый год – козырем в великой игре. Он поставил на эту карту всё – не только личное, но и судьбу народа. Если это и был мессианизм, то несравненно низшего качества, чем мессианизм Христа, Будды, но выше мессианизма фанатичных властолюбцев: Юлия Цезаря, Наполеона, Гитлера и т. д.

Человек начинает жить двойственной жизнью с самого начала цивилизации: и приобретает, и в то же время что-то теряет. Духом своим в небесах, душой и телом – в житейских заботах; залезает в скорлупу, из которой не может выбраться. Весь наш прогресс в скорлупе, а жить вне её человек цивилизации не может.

Когда для души человека нет работы, он возмещает её отсутствием работой живота, низших потребностей. Вот почему, имея в виду таких людей, говорят, что сытый и богатый — дурак больше, чем бедный. Плоть, земное подавили в нём дух.

Пока человек ещё грубо несовершенен, страдание — единственное путь к познанию и очищению. Если всё возможное будет достигнуто и исполнено и в познании больше не будет необходимости, отпадёт и необходимость страдания. Но это возможно только в Царствии Божьем.

При современном социализме теряется право частной собственности, и значит — большинство моральных принципов, обеспечивающих первую ступень личной свободы. Утрачивается право и способность быть самим собой.

Несмотря на свою величайшую социальную революцию, мы оказались в хвосте освобождающихся народов. Угнетаемая воля ищет выхода и находит его в каких-то закоулках духа, а не на прямой дороге.

Если всеобщему счастью суждено наступить, то оно придёт из какого-то другого источника: из естественного роста человека к свету. Социализм, как и буржуазность, только тени этого пути.

Революция на Кубе. Узнаю из газеты «Неделя». Во тьме и молчании, посреди серости — как искра света. По радио гимн искренности и праздничности неслыханной. Имя: Фидель Кастро. В радости бросаюсь к встречным знакомым на улице. В ответ недоумение. Не знают, как отнестись к проявлению неорганизованного восторга.

Хрущёвская оттепель, как всякая весна, бодрит и хмелит. Новые мысли, чувства, глотки свежего воздуха. Но как по-разному дышат люди!

Молодая русская личность была задушена в тридцатые годы. Мы не живём, а только дышим, и то с трудом. И если для нас это переносимо, то только потому, что ничего другого мы не знаем.

В таких условиях очень ограничены возможности творческого проявления личности, внешней и внутренней свободы. Вот отчего, когда появляется лозунг момента и открывается возможность активного самопроявления (в известных границах), все кидаются в разрешённую лазейку свободы, даже если это «свобода» осуждения писателя за неуютную книгу, которую никто не читал. Клапан открылся – и пар вырвался наружу.

Так было, когда в городском парке культуры организовали факельное шествие (не помню уж, по какому случаю), и мы, какая-то случайная толпа молодёжи, с горящими огнями в руке, сами не понимая зачем, шли толпой куда-то по улице, и какое-то странное, агрессивное чувство зарождалось в нас. Вот так, наверное, шли в Германии в 30-е годы чернорубашечники.

Луч надежды

Знаменитый очеркист из «Известий» – свой человек в московских литературных кругах. Вечером в гостинице прочитал ему свои лирические наброски. С выражением приятного открытия:

– Вот Катаев ищет молодые таланты... Обязательно покажу ему твои новеллы.

Дал адрес, пригласил остановиться у него в Москве, обещал пристроить мои опыты в журнале «Юность».

Кончилось ничем.

Болезнь

Грипп. Странный сердечный приступ. Острое малокровие – следы полуголодного существования. Был близок к смерти и уже умирал. Чувствовал при полном сознании, как холодеют руки и ноги, кровь отливает от сердца. От страха стал бешено ругаться и кричать. Меня бросились растирать платяными щётками.

Я был в полном смысле слова в тисках смерти и тиски эти разомкнул.

В счастье выздоровления как-то утром, лёжа против окна в кровати и, видя, как птицы купаются в золотом свете ранней весны, написал об этом этюд.

В газете у сотрудника «большие глаза». Зачем это? Напишите о Дворце пионеров. У них юбилей.

Слабость. Ноги чугунные. Сердце тяжёлым камнем в груди. Не хочет гнать кровь.

На тех же тяжёлых ногах пошёл на празднество и, не сразу, но написал. Оказалось, что тема перехвачена. Газета не может долго ждать. Очерк мой, над которым я так старался, придавая ему черты поэтичности, не пойдёт. Он вряд ли пошёл бы в таком виде, даже если бы я успел в срок.

Чувство ненужности и случайности в литературном и газетном мире. Да и вообще в жизни. Птицы мои – журавли в небе, и нет даже синицы в руке.

Не один уже раз является мысль, что единственным выходом для меня может быть только... Самые близкие мне стихи Артура Рембо:

*Слишком долго я плакал!
Как юность горька мне!
Как луна беспощадна, как солнце черно!
Пусть мой киль разобьёт о подводные камни,
Захлебнуться бы, лечь на песчаное дно.*

Работа и труд

«Работай! Работай!» – только и слышишь, точно мы грузовые лошади, а не люди. *Работа* необходима ради куска хлеба, а *труд* есть потребность души. Никогда я не мог *работать*, если душа моя не участвовала в том, что должны были делать руки. Так было на заводе в кузнечнопрессовом цехе, где я смог выдержать около двух недель. И наоборот: труд становился радостью, когда трудилась душа.

Только в таком труде счастье человека.

Все твердят: «Труд – дело доблести и геройства, право и обязанность советского человека». Но больше повинность, как в лагере, где на воротах лозунг: «Труд делает человека свободным». Труд не должен угнетать, подавлять, делать из человека ни пьяного люмпена, ни робота. Труд по приказу – это труд раба. У нас и не думают об этом, вообще не думают, не умеют. Думание — опасное занятие, ибо предполагает сомнение, несогласие.

Опасность

Среди людей даже кошки нервнобольные. Пройдёт мимо корова, кошка не поведёт глазом. Пройдёт человек, она припадает к земле.

Свобода

«Это не свобода, а воля, девятый век, степь», — говорит Фёдор Протасов в «Живом трупe». Помню, как меня поразила тогда эта мысль. Свобода, конечно, это выбор, отказ от своей воли, от своей воли. В чём же тогда свобода? В служении большой идее?

– А что бы ты предпочёл? – спрашиваю я себя. — Свободу какой-нибудь большой идеи или просто свободу в её обычном понимании?

И отвечаю:

– Свободу жизни. Идея, конечно, великая сила, но жизнь ещё более велика. И даже неволя бывает нам чем-нибудь дорога. Свободны ли мы в любви? Отнюдь, нет. В страдании — тоже. А бывает так, что страдания дороже радости. Так что, свобода – хорошо, а счастье – лучше.

Но и счастье без свободы надоедает. Некоторые приносят в жертву свободе сытость, домашний уют, положение в обществе.

Свобода бывает разная. Когда человека лишают физической свободы, он это сразу чувствует. И нет наказания более тяжкого, кажется ему. Но отсутствие свободы внутренней замечается не так остро, многими не осознаётся вовсе, иными же — лишь со смутным внутренним неудовольствием.

Поэты

Жить можно как угодно, если необходимость совмещается в нас с личным движением. Вот почему художники так болезненно отвечают на все попытки отнять у них независимость. Если нет права быть самим собой, то теряет смысл и сама жизнь, и внешняя свобода.

Капля дождя

Жизнь человека, как дождевая капля на стекле, катится и катится вниз, сливаясь с другими каплями и расходясь. Где в ней свобода, где случайность?

Много читаю. Увлечён литературой Германии. «Тонио Крегер» Томаса Манна для меня откровение.

Покорён магией стихов А. Блока. Сильный талант. Но много эстетизма.

«Капля росы» Вл. Солоухина. Как свежий ветер простоты и естественности.

«Золотая роза» К. Паустовского. Праздник красоты.

Читаю и пью «Тихий Дон» каждый вечер с любой страницы. Многие знаю наизусть. Вот как надо писать, мощно и просто, а красота проступит сама.

Но ничто не исцеляет душу так, как чтение дневников М. Пришвина. Настоящее волшебство слова. Кажется, уходишь всё дальше и дальше, всё глубже и глубже в какую-то неведомую даль, где всё дружелюбно и мудро. Настоящее царство всемогущей мудрости, которой всё подвластно и где ты свободен.

Тайна А. Блока

Стихи, как фейерверк искрящихся драгоценных брызг хмельного окровавленного вина. Бог знает, из чего они! Из жёсткого ли ритма горькой печали, страданий, мистического ли настроения, из какой-то подводной мелодии? Всё это вместе.

Образ и ритм

Образ и ритм в поэзии как единство и последовательность. Один вытекает из другого. Ритмическая интонация живет предчувствием образа в своем звуковом импульсивном колебании. Ритмическое волнение – первокорень мелодии, образа, их предтеча. Музыкальный образ без ритма, без мелодии не существует. Он больше зависит от ритма, от звука, чем звук от смысла.

Беглая подача настроения передаёт первоначальную энергию творчества. Музыкальное и живописное обыгрывание тёмного потока подсознания. Эта тайна воспринимается как красота.

«Тихий Дон» – это трагическая история о том, как зло разрушает красоту и равновесие жизни, растёт, как снежный ком, и приводит человека к гибели.

Под влиянием шолоховского романа сложился сюжет. Крестьянин стрелецкой слободы у самых истоков Дона, не казачьего, не области войска Донского, но есть что-то лихое. «Нижний чин» на германской. Рослый, сильный. Попадает под мобилизацию во время мамонтовского прорыва. И что из этого вышло. Разбиты, бегут – и он погибает у стен монастыря.

Язык

Язык, как и человек, мучается оттого, что ему не дают быть самим собой. Предписания и правила, как сети, опутывают его со всех сторон и не дают свободы движений.

Хороший писатель тем и отличается от посредственного, что освобождает слово от цепей, возвращая ему свободу.

Всё доступное человеку богатство понятий закреплено в языке. Он содержит в себе духовную жизнь народа, то, что называют коллективной душой. Это общее достояние, как вода из колодца, которую можно употребить на разные цели. Только поток одухотворенных чувств, пропущенный сквозь эту воду, делает её живой. Язык в творчестве настолько выразителен, музыкален и красив, насколько это заложено в существе того потока, который пронесется сквозь облако импульсов, звуков и слов.

Строгий немец-гувернёр стоит над русским языком и не даёт ему забыть до его варварского своеобразия. Начните объясняться по-русски, «на авось» и почувствуете, что этот язык по сути своей совсем не то, что сделали из него припудренные грамматики и режущие удила академических словарей.

Спорят о словах, желая спорить о сущности. Смешивают понятия и лексические значения. Стерн называл эти битвы из-за слов логомахиями.

Способность слова к многозначности даёт экономию языковых средств и расширяет границы понятий.

Необычные речения и всякие исторические примечательности. Одно из таких речений, церковная укоризна: «Дубина еси, протяженно сложенная». Говоря просто: «большой, а дурак».

А вот из исторических анекдотов. Из «Путешествия» Пифагора: «Елена Прекрасная стояла жизни 1 562 000 человек, по исчислению Дареса Фригийского».

«Простой народ любит картины: никакое чувство столько его не обманывает, сколько зрение». Фересид.

Пифагор о памятниках зодчества: «Сии гордые памятники... не делают народ ни счастливее, ни лучше; но они вселяют национальную гордость, которая всегда имеет свою цену».

Из Ларошфуко. «Необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло кажется им (людям) рабством, которому они не желают покоряться».

«Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией».

В духе античных мудрецов думаю об армии, о войне. Идти на войну без достаточных на то оснований, в поисках острых ощущений или денег, есть непростительная гибель души.

Религия – это величайшая попытка силой духа перевоплотиться в человека счастливого, вернуться в райский сад, которого никогда не было.

Игра слов

Он играл в обаятельно-невинную скромность, шаловливую искру зажигая в глазах. (Случайная игра слов, от которой трудно отказаться).

Этот «неправильный» народный, даже уличный, язык, которым редакторы запрещают писать современному советскому писателю, удивительно искренен, глубок, выразителен и даже бывает красив. Звуковые корни, импульсы и ритмика — главное в каждом языке.

Но и он, конечно, как все проявления сознательной и полусознательной человеческой воли на земле, — не первая и не последняя истина, а только эхо, отражение глубокой подсознательной тайны жизни.

В крике галки уже есть выражение сущности бытия. Человек, чтобы понять эту сущность, сначала разучился издавать подобные звуки, создал пение, язык, затем при помощи музыки очистил звук — и получил тот же первопричинный результат, но полный смысла и красоты.

Чем дальше человек уходит от природы и естественной жизни, свежих, незаёмных впечатлений, тем дальше он от красоты, гармонии и искренности. Древним не надо было читать много книг — состояние творческого равновесия поддерживалось в них жизнью. Чувства были ярче и контрастнее. Теперь читают для того, чтобы заимствовать от прочитанного, из книг побудительные чувства для творчества. А заодно, читая, поглощают массу ненужных сведений.

В контрастах чувств яснее сущность. Оттого в сравнении с горем всегда ярче радость. И так становится понятно, что и поэзия, и красота, и жизнь — одно, неделимое. А искусство, его смысл и сущность — в искренности выражения этого чувства жизни.

Вся сила искусства в красоте. Искусство должно воспитывать красотой.

Покой и беспокойство

Покой не означает неподвижности. Это равновесие всего состава души в её движении к лучшему. И когда это состояние близко к желаемому, человек счастлив и покоен.

Бог дает беспокойный покой, а черт — покойное беспокойство.

В движении, как в кабине электровоза, бывают мгновенья абсолютного покоя.

Земная жизнь с её радостями и печалью и есть сама истина бытия. Мы же ищем её в области абстракции, логических формул — и не находим. На логический вопрос: «Что есть истина?» — никто не ответил.

Вот почему, когда приходит скромное человеческое счастье, чувствуешь и понимаешь, что это всё, чего можно достигнуть и что дано человеку.

Во всяком поступке, чувстве, мысли присутствует значительная доля аффектации. Искренни ли мы вообще? И где самый глубокий слой искренности?

У каждого человека чувство своего тела отражается в психологии.

Могучая, свободная, как море, мелодия человеческих печалей. О музыке Д. Шостаковича к кинофильму «Овод».

Песни

По песням судят о душе народа. Восточные мелодии, изысканные, нежные и капризные, душистые, полные чувственности и неги – во всём безграничное доверие к чувству. Если радость, то крик о счастье, печаль – рыдание с разрыванием одежд. Это в душе индуса, араба и всех восточных народов.

Совсем другое – ритмы Африки. Первоначальное предчувствие жизни, предрождение музыки, её глухие толчки, пульсация рождения.

А дикие синкопы рока – музыка ужаса, агонии, бесплодного бешенства.

Эхо печали

Русские печальные песни, похожие на стон и плач, как эхо прошлой нерадостной жизни. Не тот характер, что теперь, не та душа — и всё-таки родное, бесконечно трогательное и милое.

Были песни печальные, задумчивые; потом пошли грозные, удалые, разбойничьи — и с ними ушёл прежний русский характер. Здоровый, добрый славянский народ исчез. Мы потеряли свой путь, или это и есть наша дорога испытаний?

Переходное время

Сильный долго распрямляется, умный долго думает. Россия долго запрягала, но, может быть, именно она скажет миру новое слово, а не благополучная Европа или Америка. Путь их более гладок и однообразен, даже в потрясениях.

Как много сейчас в нашей жизни нелепого до идиотизма, примитивного до тупости, самой непролазной дикости, обывательщины! И всё-таки мы должны выбраться из этой тины и чащи и пойти своей настоящей дорогой.

Меньшие братья

Русские образованные люди всегда о мужиках, вообще о «меньших братьях», «униженных и оскорблённых», жалели и плакали. И это поднимало их на большую человеческую высоту.

Но вот «меньшие» стали «большими», но всё ещё «униженными и оскорблёнными», только о заступниках своих помнить не хотят и даже за братьев не признают и жалости никакой к ним не испытывают. И, может быть, никогда не испытывали. Плохо, когда народ не уважает своих лучших людей, без жалости провожает их в тюрьмы и ссылки. Несчастье, когда лучшие люди уже не заступники народа.

Самые фанатичные идеи загораются необычайно ярким светом, когда на них обращается слишком настойчивое внимание. Самые нелепые домыслы убеждают, когда проповедуются со страстью. Даже самая бесстыдная ложь становится убедительной, когда её повторяют как правду. Люди внушаемы, и этим пользуются манипуляторы и в политике, и в частной жизни, сплетники и клеветники. Самое удивительное, что они сами верят в собственную ложь.

Нечаянно-негаданно познакомился с интересной девушкой. Студентка литературного факультета здешнего пединститута. Пишет стихи, чуть сентиментальные. Душа чистая, цельная. Наивна, мила, умна. Дал почитать свои наброски. Возвращая, сказала, что трудно судить, выйдет ли из меня писатель, а будто что-то есть.

Тянет от грубости жизни провести вечер с приятными умными женщинами, сердце просит.

Ранняя весна. Туман. Рыхлый тающий снег. В душе волнение праздника. Собрал всё самое лучшее, заветное, переписал ломким неровным почерком. Несу в областное отделение Союза писателей. Писатель М., большой, с сердитым лицом, в тёмном пиджаке и рубашке без галстука, с дымящейся папиросой в зубах, похожий на языческого бога в облаках, автор нескольких книг о войне. Смотрит с высоты на застывшие строчки в моих листках, как на букашек, ничего не говорящих его сердцу. Всё это кажется ему чепухой. Он фронтовик, разведчик, ранен в руку. Рассказывает, как дрался с немцем в рукопашную в окопе. Я прошу позволения дотронуться до его раненого плеча.

Заходит знаменитый поэт Б.

– Послушай, Дима!

М. читает ему, с выражением полупрезрительного осуждения, несколько фраз из моих листков. Б., погружённый во что-то своё, молчит. Ему не до меня.

М. как бы мимоходом и небрежно рассек мне сердце рукой сурового бойца – и отвернулся, может быть, даже не заметив этого. Он и подобные ему не понимают, что не все

«ошибки» надо исправлять, прижигая по живому калёным железом. Пусть то, что я писал, наивно, слабо, но было же что-то настоящее, которого по вине таких «бойцов» и отупляющей жизни становится всё меньше.

Старый спор

Не решенный со школьных лет вопрос: «Отчего Татьяна не ответила на любовь Онегина?» Мы спрашиваем об этом со времён Достоевского, мы, привыкшие к свободной любви, разводам, незаконным детям.

Конечно, муж. Конечно, долг. Церковный брак, благословенный на небесах. Но только ли?

«Я вас люблю! К чему лукавить?» Ах, Таня, Таня, милая Татьяна! Поистине, к чему лукавить? Ты просто устала, изверилась в надеждах, утихла под скукой брака. Разбившееся от падения сердце не может больше любить.

А Онегин? Откуда это внезапное чувство, похожее на запоздавшую вспышку сожаления? Осколки воспоминаний, надежд молодости укололи его сердце, когда он увидел Татьяну на балу. Музыка возрождения отозвалась в его душе глухим стоном.

И Татьяна плакала у камина о поэтической невозвратной влюблённости, жалея и себя, и Онегина, и отцветшую молодость. Но эта встреча уже не донесла последнего аккорда распавшейся мелодии любви.

Да и дело вовсе не в ответе на вопрос, а в самом вопросе, в красоте того чувства печали о прошлом, которое в нём заключено.

Красота

Красота в искусстве — это особое состояние правды. Без красоты-правды нет искусства. Но, чтобы до такой красоты подняться, нужна сила жизни. А в ней есть тёмные и светлые силы. Бывает, что тёмная сила оказывается сильнее светлой. И значит, важно ещё и соотношение света и тени.

Дело в том, что никакой целостности, слияния чего-то с чем-то в мире нет. Целое давно распалось. И искусство есть воспоминание об этом. Более того, нет даже связей между отдельными явлениями и чувствами. Связь эта создается людьми иногда искусственно. От этого вся путаница. Никогда ничего нельзя соединить, согласить. Мир несоединим! ВСЁ — есть не мир, а иллюзия мира. Целое существует не в согласии, а в борьбе и разъединении.

Миг

Бывает такой миг, в котором истинности больше, чем в целой жизни. О нём можно сказать: то, что кратко, то истинно. Я открыл у себя такое редкое свойство: довольствоваться одним мгновением, не тратя энергию на поиск протяженности оною. В каком-то смысле это остановленное мгновение Фауста.

Миг этот не вызвать по произволу. Он приходит сам.

Так же и в искусстве. То искусство истинно, которое входит в душу легко и просто, без всяких усилий со стороны человека.

Самотёк

Среднее между стихом и прозой — самотёк, самая искренняя форма выражения, наиболее близкая к истокам рождения слова.

Ритм

В основе гармонии лежит ритм. В основе словесного творчества – так же. Самая ритмичная речь — стихи. Есть и ритмическая проза. Но период, пауза, стопа, размер, из которых состоит ритм, не всегда совпадают с ритмом фразы.

Склонность к ритмической четкости в членении стиха у В. Маяковского. У А. Блока есть такие ритмические записи. Периоды ритма совпадают с линией интонации и дыхательным строем.

Дыхательный ритм свойственен и прозе.

Искусство и наука

Искусство по силе проникновения в стихию жизни, конечно, сильнее, чем наука об искусстве — поиски и выводы логической мысли. Искусство — сама жизнь, даже в мечтах своих. Наука — только средство познания мира.

В фокусе любви

Состояние любви в творчестве — это стремление в одном фокусе выразить все свои силы, собрать их все в лучик зажигательной силы, как в увеличительном стекле. Высшее счастье — выразить себя в расцвете сил внутренних. После периода творческой любви человек теряет способность чувствовать и выражать жизнь всю в целом и переходит к частностям.

Ум и чувство

Не люблю себя очень умного. Боюсь конечной пустоты. Одержим думами — компенсацией за одиночество.

Пишу хорошо, когда не думаю, что и как выйдет. Накопится за день и вечером выливается в одну-две странички.

В слове главное: тайна звука, тон. Это выявляет спрятанную глубже красоту, возвращает к изначальной гармонии. Точность в этом смысле есть гениальность.

Мысли и слова

Есть мысли и слова, которые каждый может сказать одинаково хорошо. Они повторяются, но от этого не меркнут, не стираются, благодаря особому наполненному ритму и просторному значению слов. То, что греки называли: «Словам тесно, а мыслям просторно».

Сказка души

Я – за правду и очень не люблю всего деланного, вымученного, притворяющегося искусством. Но над правдой факта должен царить вымысел. Сказка — правда души. Вот это и есть настоящая правда для писателя.

Красота лишь во вдохновении, открывающем бесконечность и условность видимого мира.

Несовременный человек

Пишу литературу камерно-психологическую, один запечатленный миг, а надо что-нибудь серьёзное, глубокое и неспешное, как чеканный шаг. Но, может быть, для этого у меня слишком мало сил. Смогу ли я когда-нибудь создать что-либо крупное «от себя» — неизвестно. Я слишком несовременный человек. Во мне собрание противоречивых чувств. Что если моя жизнь пройдет в борьбе с самим собой, и только? Что ж, и это неплохо. Я не слишком жалею, что родился, живу, хотя бы и так — разве лишь о судьбе...

Сила чувства

Лирика, конечно, самая суть, самый корень поэтического чувства. Но не только лирика достойна и в состоянии выразить силу поэтического чувства, но и другие роды и жанры. В основе любого художественного жанра должно быть поэтически честное чувство и ещё раз чувство.

Загадка

Хотел бы я прожить во многих прошлых эпохах сразу. Как Фаусту, мне не даёт покоя загадка начала жизни.

Одни философы стремятся открыть вечную истину бытия, другие ограничиваются познанием методов формальной логики.

Так и в искусстве. Классическое творчество ищет корень, первопричину жизни душевной. Искусство на потребу ограничивается частностями, использованием приёмов. Первое проникает в тайны мира, прикасается к ним. Второе свидетельствует об успехах цивилизации.

Метод и сущность различаются лишь в отношении друг к другу – в разделении, отдельности то и другое не существует.

Рационализм

Запад привычно упрекают в рационализме. Но есть ли что-нибудь равное нашему рационализму в отношении к человеку, к искусству? Искусство существует не для того, чтобы от него чего-то требовали. Оно — объект чувства прежде всего, а не политики, идеологии, тем более, критических расправ.

Глоток воздуха

Для пишущего человека не иметь доступа к печатному станку всё равно что не иметь возможности дышать. Мои попытки иногда напомнить об этом похожи на звуки набата в метель. Никто меня не слышит. Сам звоню, сам иду на звук, никуда не выходя. Силы же, время и жизнь теряю в бесцельном блуждании.

Марксисты

99% нынешних советских, так называемых марксистов-коммунистов (членов партии) – ограниченные, тупые люди.

Глыба тупости нависла над умами советских людей. «Сверху» позволенные мысли, программы, предписания... Ничего своего, ни капли самостоятельности.

Но история философии неисчерпаемо богата. Марксизм лишь часть большой философской культуры. Ничего этого они не знают, да и знать не хотят. Ничего не ищут. Слишком сложно, опасно. Да и зачем? Вот он, рай у порога, и искать больше ничего не нужно. За них постарались вожди. И, как бывает у невежественных умов, нетерпимость, неизбывная злоба и враждебность к тем, кто смеет думать не так, искать, сомневаться.

Время социализма

Современный социализм пришёл слишком рано, раньше своего естественного срока. Роды его были насильственными – и плод появился на свет недоношенным. И всё же господствующая политическая система в стране не случайна, идёт от самого народа. Для большинства такое течение дел естественно. Недовольны только интеллигенты.

Идеалы

Идеалы коммунизма, несомненно, выше того, чем живёт капитализм. Тогда отчего такая удушающая несвобода? В чём причина расхождения теории и практики социализма? Отчего уравниловка, дефицит всего, от еды и одежды до произведений духовности?

Причина в том, что практика социализма основана на принуждении. Насилием нельзя никого сделать счастливым. Оттого разочарование, зреющее недовольство. Вера в идеалы коммунизма помогала, но она же закрывала глаза, приводила к фатализму и приглушению, а потом и к уничтожению активного творческого начала.

Мы нуждаемся в объективном критическом анализе опыта социализма, а этого нет. Критика социализма невозможна, всякая попытка критики — государственное преступление, прямой путь в тюрьму или психобольницу. Причины болезней загоняются внутрь. И государство, и общество оказались ниже своих идеалов.

Плоть и дух

Плоть и дух нельзя совместить. Одно другому мешает и взаимно исключает. Человек погибнет не оттого, что овладеет природой и утратит выносливость в борьбе за существование, а оттого, что исчерпает себя в этой битве. В овладении природой он отдаёт себя, свою кровь и плоть. Став легче и прозрачнее воздуха, он исчезнет, рассеется в пыли космоса.

Равновесие

Необходимо равновесие между голой правдой физического существования и сознательным её пониманием. Здесь надо чувствовать меру: когда достаточно первого, дать место второму, и наоборот. Люди же, как правило, не могут найти этого практического равновесия и даже не ищут его.

Первозданная чистота исчезает там, где появляется сознание, говорят философы-руссисты. Но это не чистота исчезает, а неведение. Появляется понимание греха, а не сам грех, который уже существовал, но жил без обличения. Более того, каждый порок, бывший при варварстве в простом виде, превращается в сложный, лицемерный, или, наоборот, бесстыдный, а затем делается всё более причудливым, изощрённым, привычным в своей сложной нечистоте. Нравственное сознание обличает, неморальная цивилизация украшает пороки.

В отмирании человеческого «нароста» в природе есть два пути: один ведёт назад, во мрак, в утробу матери-природы; другой — наверх, когда шкура и когти зверя у человека исчезают. Для природы эта разница, может быть, и невелика и не так заметна, но для человека огромна.

Женская душа

Говорят, у русских, славян вообще, женская душа. Оттого их расплывчатость и пассивность, и сами они — материал для более энергичных племён. Запад — дух. Россия — душа. Не знаю. Думаю, что в России есть и то и другое, но, может быть, точно, с превосходством душевного начала. За внешней суровостью наших мужчин скрывается неосознанное чувство признания женского превосходства, природная склонность к матриархату. И женщина русская, внешне уступающая первенство, имеет таинственную власть над душой мужчины.

И. Бунин о Малороссии, у которой уже «нет истории»: «Ты древний корень Руси, где сердечней чувства и нежней славянская природа». Написано до Петлюры, Махно и пр. Что сказал бы Иван Алексеевич теперь?

Иностранный роман

Читаю роман Митчелла Уилсона, американца: «Встреча на далеком меридиане». Такое чувство, точно открываю неведомые доселе прелести в незнакомой стране. Динамичность и сжатость повествования, подтекст. Кстати, ясно понял, чем определяется динамичность повествования. Строем, ритмом мысли, настроения. Это окрашивает тон и придаёт убеждённость интонациям.

Человека писать всего труднее. Не его классовую маску, а всего в целом как продолжение естественной природы.

Любое явление должно раскрываться по своим внутренним законам. Декларирование, даже самым проникновенным языком, не заменит творчества.

Чем совершеннее искусство, тем более неуловима сущность его неизощрённому уму. Неважна тема, фабула, а важна сила выражения, истина описываемого.

Искусство как приём

Искусство — это приём и как таковое не может быть отпечатком действительности, а всегда останется условным художественным знаком чувства. Искусство есть продолжение жизненного чувства в поэтической форме. Но даже сам акт созидания не есть самое главное. Всего важнее — состояние предрождения, из которого всё возникает.

Искусство невозможно без формы, но если всё внимание художника сосредоточено на форме, это не искусство, а копия предмета без его сущности. Сущность же спрятана глубоко. За внешностью должен скрываться внутренний план, намёк, загадка.

Требую рабской верности в изображении действительности, тем самым убиваем искусство, его интуицию, полёт фантазии.

Понятие-образ часто исчезает в неточности слов-обозначений. Как понимать абстрактное, беспредметное искусство? Если как форму без содержания, то это вообще не искусство. Если как уход от привычных рутинных форм, тогда другое дело. Отделить новое искусство от формального трюкачества.

Условности

Условность в искусстве нужна для того, чтобы заострить смысл изображаемого до пределов выразительности. Это способ видеть дальше внешней конструкции и дальше изображённого.

В воздухе что-то новое. Визит президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди в Москву. Два типа культуры, два типа руководителей. Н. Хрущев — о кукурузе и поголовье скота. Д. Кеннеди — об очищении духа.

Наше время — пролог новой истории.

Дж. Кеннеди. Симпатичный, человечный, естественный. Романтик, а не начальник, что уж совсем невероятно. Боюсь только, что это своеобразие будет ему мешать.

В Москве среди молодежи вакханалия американизма. Павильон США на ВДНХ полон народа. Марки машин, брошюры дизайна квартир, бесплатные каталоги, ослепительные американские улыбки. Восторженное отношение к новым кумирам. Всякие тёмные суетливые личности. Быстрое размножение вируса моральной заразы. Нарастает во мне недоброе чувство к этому образу жизни. Конечно, Москва разная. Москва хороших и честных людей, и всякой дряни и гнили. В сравнении с ними понятие «мещанин» скоро будет равноценно понятию «порядочный человек».

И всё же свежий ветер подул.

В Москве появляются иностранцы. На Садово-Самотечной у тротуара автомобиль. Южные люди. Он выходит слева и открывает дверцу для своей спутницы. Вокруг толпа зевак. Какими же мы, должно быть, кажемся жалкими, внушающими невольное презрение людям свободного мира! Негр из Африки несёт в лице свет свободной воли, естественности, гордость ума. Чёрное его лицо светлее, чем лица многих белых советских людей.

Двойственный путь

С вещами проникают в сознание и идеи американского образа жизни и стиля поведения. Некоторые очень любопытны. Например, психология утвердительных и отрицательных ответов в их отношении к пользе дела. Если вы хотите согласия с вами, надо включить механизм положительных ответов. На этом основаны и успехи гипноза: внушение собственной воли на базе доверия и симпатии. Двойственный путь. Открываются возможности и для согласия и для манипуляции чужой волей.

В моду входят курительные трубки, бородки а ля Хемингуэй. Молодёжь считает его своим, называет «Хэм». Книги его читаются с жадностью, как и Ремарка. Его слог: магия заговора, монотонные повторы ритма, мучительная и сладкая боль, контраст между жёсткой интонацией и горько-сладкой печалью предчувствуемых утрат, пространство диалога, состоящего из реплик-намёков. За внешним смыслом слов течёт другая река. Второй, скрытый план.

Русскому уму присуща стихийная надежда на счастье, которое придёт само, «пощучьему веленью», что он и осуществляет, прикрываясь партийной дисциплиной и плановой экономикой.

Есть истина философская, которая для честного ума превыше всего. «Платон мне друг, но истина дороже». Для большинства же истинно то, что им нравится, что выгодно. Вот почему придуман закон, стоящий над чувством.

После Москвы город в провинции кажется грязным, запущенным, наводит тоску.

Вот выходят на прогулку «отцы города», вышагивают в клубах пыли. Идут и простые смертные. Для тех и других пыль и грязь привычны, неизбывны, такое же явление природы, как дождь и снег.

Несу в редакцию заметку. «Женщины! Вам не помогут даже кремы фирмы „Коти“, пока уличная пыль будет съедать нежность ваших ланит».

В редакции пожимание плечами. Нас разделяют три-четыре столетия. Здесь всё ещё шестнадцатый век.

Откуда столько пыли? Сахары рядом нет, мы не в Турции. Но кажется, что живешь в каком-то захудалом азиатском городке.

Весенний день, но солнце не в радость. Воздух пропитан мельчайшими частицами пыли. Солнечный свет заткан сухой паутиной. Дыхание жаркого ветра — и под галочий издевательский крик поднимается пыль, зависая над городом.

Странный город

Расположение не солярное, не радиальное. Ни кремля, ни главной площади, ни центра, от которого расходились бы лучи улиц. Одна уходящая с севера на юг караванным шляхом рассекает город на две части. По сторонам путаница одноэтажных деревянных домов, отгороженных заборами от внешнего мира. Каждый дом — крепость с закрытыми на ночь ставнями («от мошек», как объяснил один местный житель какому-то любопытному, случайно залетевшему иностранцу). И характер горожан такой же: прямолинейный, но с запутанными боковыми улочками и переулками, «семь пятниц на неделе», сказал одно — сделал другое.

Долго не мог взять в толк, отчего мне здесь так плохо. Объяснял не родственной кровью, разными обычаями. Наконец нашёл ещё одно объяснение. Город полуюжный, люди настырные, даже наглые, лишённые северного чувства такта, сдержанности и скромности. Многие живут по пословице: «Ему хоть ... в глаза, всё божья роса». Я человек северного воспитания. Отсюда чувство психологической несовместимости, состояние хронической конфликтности.

Случайное знакомство

В один из тоскливых дней познакомился с местным киноведом М. Через него вошёл в мир кино. Статьи Эйзенштейна, «История кино» Жоржа Садуля. Первая моя рецензия на цветной американский фильм «Странствия Одиссея». Глубокое удивление, радость от встречи с живыми героями древней Эллады.

Десятая муза, как и все прочие, восходит к одному источнику: чувству красоты. Но каждый род искусства имеет свои законы. Как литература не может быть словесным отражением кино, так и этот род искусства не отражает законов словесной ритмики, на которых строится литература.

Болезни роста

Ф. М. Достоевский: «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», И. С. Тургенев: «Рудин», «Отцы и дети»; философия Аристотеля, Декарта; статьи по теории кино — всё это одолевалось мною не без труда, с большими усилиями души.

Глубокий след оставили фильмы итальянского и французского неореализма; аргентинская лента «Возраст любви», песни и голос Лолиты Торрес; наши: «Белые ночи» с прекрасной игрой О. Стриженова и Н. Кириенко, невероятный, потрясающий «Тихий Дон» С. Герасимова, «Судьба человека» С. Бондарчука; чудесный финский фильм «Молочница Хилья»; хождение в гости с каким-нибудь приятелем к совершенно незнакомым людям. Простые, открытые, даже радушные. Чем богаты, тем и рады, то и на столе; и многое-многое другое... Не всё плохо в жизни моей в этом городе. И всё же душа бьётся, как подстреленная птица, стонет и плачет, рвётся домой, в прошлое, на родные места, к родным людям. Я не могу быть счастливым вдали от них.

Скучно и пусто на душе оттого, что впечатления внешней жизни не совпадают с потребностями и ожиданиями души. Этим потребностям нет выхода в действительную жизнь; они не могут перейти в иное состояние, развернуться, как бутон цветка, призванного к цветению.

Личное и общее

Писатель, как и каждый человек, если впадает в грех тщеславия, то истина от него закрывается, и остаётся только маленькое личное удовольствие. Чтобы этого не случилось, в душе, помимо удовольствия, должно быть ещё и человеческое сочувствие, сострадание. Глубина горя выводит из узкого мира самолюбования – и мысли писателя становятся интересными и нужными другим людям. Так в искусстве встречаются личное и общее.

У порога зрелости 1970—80 гг.

Вот и жизнь, взойдя на вершину, уже поглядывает вниз, на расстилающие дали, ещё не предвидя, не предчувствуя всего, что ждёт её на перевалах и в долинах. Она сил, весь мир у её ног. У неё одна задача: овладеть его богатствами, войти в блеске славы и громе труб в триумфальные ворота заветного города победителем.

Новая жизнь

Каким-то почти чудом, со дна, куда почти неудержимо увлекал меня поток событий, удалось всплыть наверх. Милость судьбы. Институт. Учителем в деревне. Незабываемые дни. Любовь детей. Уроки русского и литературы буквально «до седьмого пота». Тихие вечера с хозяевами. Тиканье и бой часов. Несколько новелл. Потом музей. Научная работа. Аспирантура. В художественном роде несколько рассказов, много шуток, юморесок, игры.

Журавль в небе – всё та же Москва. Страстное желание вернуться. Счастье частых поездок и скорбь расставаний.

Чёрный год

Ворон, круживший надо мной в юные годы, не улетел совсем, а только ждал, когда я оступлюсь. И дождался. Как громко пел и высоко летал, так больно и падал. Во многих — нескрываемое удовольствие злорадства. Людям нравится подтолкнуть споткнувшегося, посмотреть, что будет. Снежный ком несчастий. Как будто силы зла, собравшись, бросились на меня.

В душе волнение, беспокойство, не оставляющие даже ночью, во сне. Иногда кажется, что всё ещё поправится, вернётся к прежнему.

Летаю во сне. Чудесное состояние. Взмахиваю руками, поднимаюсь и лечу, большей частью по комнате, под потолком, иногда и на улице. Счастливые минуты в постели перед сном за чтением Флобера «Воспитание чувств». Неважно, с какой страницы. Главное: плывущая музыка, поток слов, исцеляющий душу.

В Москве возле музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко. К обочине подкатывает черная «Волга». Работники обкома комсомола из того города, в котором жизнь моя превращена в ад. Лица наглые. Так и несёт агрессией. Резануло по сердцу, вмиг отравило жизнь. Господи, добрались и сюда! Не хочу видеть этих лиц, не хочу, чтобы заметили. Отворачиваюсь и скрываюсь в помещении театральной кассы: легко дышат калориферы, чисто, уютно; воздух другой жизни, которую я так люблю.

Атеизм

В журнале какая-то поэтесса пишет о женщине-труженице военных лет: «Ей помогала нечистая сила. Что же ещё помочь ей могло?»

С горькой иронией, конечно, но кто из поэтов прошлого сказал бы так о русской крестьянке? Станный у нас атеизм! Бога поминать нельзя, а нечистую силу можно.

По телевизору спектакль МХАТ «Дядюшкин сон». Старый князь: светлый человек под маской идиота. Вспомнился Мышкин. А что если это один и тот же тип, только показанный по-разному? Там и тут простодушие и доверчивость почти детские, но в Мышкине это дано как возможность прекрасного идеала, а в старом князе как пародия на идеал.

По радио запись Л. Оборина. Ничего подобного прежде не слышал. Какое звучание! Мягкое, глубокое, светлое. Словно голос человеческий. Душа выговаривается в звуках рояля.

Так бывает. Вдруг неожиданное что-то увидишь и услышишь в потоке звуков, слов, лиц — и поймёшь, что это для тебя. Другого такого мгновенья, может быть, и не будет. Где оно было раньше, где был ты сам? Неожиданный праздник для души, мгновения счастья!

Положение мое в литературе всё то же: строчки в газетах, и то с большим трудом и всегда искажённые редакторским произволом. Для пишущего человека не иметь возможности высказаться, всё равно, что не дышать. Мои попытки иногда написать об этом похожи на звуки набата в метель. Никто меня не слышит. Я сам звоню, сам иду на звук, но никуда не выхожу. Силы же и время теряю в бесцельном пути.

Преуспевающие литераторы удивляются: почему тебя не печатают? Почему ты не борешься, не пробиваешься?

Но моя борьба не в том, чтобы лезть напролом в двери издательств или проскальзывать туда лисой, а в том, чтобы остаться самим собой, продолжать писать, дышать, хотя бы остатками сил.

Зима

Что-то очень долго длится зима, и оттепель оказалась недолгой. Когда же живые души не будут у нас так редки, как жиринки в плохом супе?

Правды и исповедности: вот чего нам не хватает. Правда – это свобода. А свобода — это живая душа, и ничто другое!

А всё-таки, как ни плохо мне в жизни, я счастлив, что мог так чувствовать, думать и писать. Счастлив тот, кто видел такие сны! Счастливым в житейском смысле я никогда не был. Моё счастье в том, что мне было дано сказать об этом.

Ясно, что место в обществе мне не находится вовсе не из-за моего «тяжелого» характера, а по несходству какого-то внутреннего состава. Что-то неуловимое разделяет меня с имеющими такое место.

Очередная комедия с выборами. Осточертели покорность, притворство, безропотная стадность. Отказываюсь голосовать. Скандал. Ко мне приходит председатель какой-то комиссии. Хочет узнать причину такого «аполитичного» поведения. Он мне об «обязанности каждого советского человека»; я ему о «праве», о том, что это бессмыслица – «выбирать» уже выбранного и назначенного сверху человека. Кругом шёпот: «антисоветчик».

Без правды нет ничего: ни культуры, ни жизни, ни даже здоровья. С правдой всё. Сколько это твердили миру!

Только и нужно жить по правде, по чести (от этого и честность), да по простоте. На здоровых корнях и дерево крепкое. И сколько лишнего, заумного, полуумного, полунужного и вовсе ненужного сразу отпадёт!

Только понять это не просто. Простое даётся бесхитроственному уму. Он всё знает, всё ведаёт, все искусства, но остается неискривлённым и потому мудрым. Кто мудр, тот и прост. До тех пор, пока в народе будут такие люди, жива будет его душа, его гений, его совесть.

Личное мужество

Правды у нас не только нет сейчас, но и никогда не будет, пока не вернётся личное мужество. Что это такое, многие даже не понимают. Мужество для них — это грубость, хамство, водка, драки, ругательства. Как только дело коснётся твердости мнений, достоинства, — голову в кусты.

Настоящего мужества, что ни говори, много меньше, чем прежде, в далекие годы, даже ещё в тридцатые-сороковые годы. Что-то сломалось в людях.

День чудесный, зимний, солнечный. На душе светло, как в юности. Болен, сижу дома, смотрю из окна на улицу. Так мне знакомо это состояние по годам молодым. Тело усмирено болезнью, а душа радуется свободе, свету, чистоте.

По телевидению американские хоры (стиль свинг). Сплав академического и народного пения. Поют, пританцовывая. Какие искренние лица, живые глаза!

Всегда мне казалось, когда поющие только поют, застыв с неподвижными лицами, это только половина того, что должно быть. Окаменелость и при академическом пении необязательна, особенно, если исполняются народные песни. В пении живёт всё тело, вся душа. Не нужно шнуровок, но и вертлявость тоже необязательна.

Полчаса праздника. После этого серые облака, тяжёлое небо, темные заснеженные улицы в тёмном окне.

Новеллы мои о русских писателях после первых трёх, имевших успех, вызвавших шум и скандалы, остановились. Повесть о Тургеневе также замерла. Ни надежды, ни просвета на издание. Может быть, отчасти и к лучшему. Хорошие книги пишутся долго.

Почему человек умолкает, не может больше писать с такой свободой, как дышит? Конечно, я мог бы объяснить и это. Помню все удары, все заморозки на завязи. А всё же, думаю, самая глубокая моя завязь не тронута.

Вот, думаю, был бы жив такой-то, он бы понял. Но вот нет его. Что ж, пустыня? Все надежды погибли? Не может быть, чтобы со смертью родной мне души, исчезла способность понимания в других. Должен быть кто-то, кто поймёт. Но способна ли самая сильная рука пробить стену?

Пусть погибшему цветку не зацвести, но ведь первое, самое заветное цветение было! А раз так, цветок искусства не погиб.

Многое из того, что очевидно, совсем не так просто выразить в печати. Односторонность нашего мышления. Какой-то этикетный оптимизм, как в далёкие пятидесятые (самое начало), когда утро в романе обязательно должно было быть светлым, а финал непременно возвышенно-радостным.

Вот, например, национализм. Само слово пугает. А, между тем, время такое, что необходимо понять его место в жизни народов. Но в газетной статье не дадут разгуляться. У нас иерархия в области мысли. Одним мыслить дозволяется (в известных пределах), другим категорически нет. Писатели делятся по классам. Одному дозволено то, что не разрешается другому. А ведь мыслить имеют право все. Но даже и это замечание кажется крамолой. Вот и отводишь душу в записной книжке.

А что бы, кажется, не поразмышлять об этом на страницах областной газеты? Куда там! Столичное издательство еще кое-что может себе позволить, а провинциальное ни-ни. А всего-то мне хотелось бы сказать, что национализм узок и смраден, всегда связан с узостью в подходе к человеку и культуре. Интернационализм широк и светел. От него светло на душе. Дружеское чувство к культуре других народов не означает ни отказа от своих народных начал, ни забвения отчизны. Не означает он и того, что надо глотать всё без разбора, особенно то, к чему не привык наш желудок. Только и всего. Но и это кому-то покажется чересчур вольным. Всё нельзя. Эзопов язык и тот читается вглубь на семь пядей.

Как много в жизни, в каждом шаге, мешает человеку быть самим собой! Но что это значит: быть самим собой? Злой хочет быть самим собой, и добрый. Но ведь человек не рождается злым. Будь самим собой, но знай, что над тобой моральный закон.

По радио «Живой труп» Л. Толстого, старый спектакль, из которого помню с детства песню необыкновенной красоты на патефонной пластинке. Поднялось всё со дна души, о чём больно вспоминать, вся сладость прошлого и горечь утраты, всё, о чём и сказать не могу. Как хотелось бы бросить ложь, скуку этой жизни и уйти... Но как и куда...

Жаль, что люди утрачивают простые и ясные понятия. Совесть, например. Если бы основой морали стало убеждение, что совесть самая большая ценность человеческого мира, основа всего, может быть, тогда легче решались бы и другие трудности. А пока одна ниточка лжи наматывается на другую. Получается целый моток, да ещё перепутанный. Как его распутать?

Как отдельный человек утрачивает сокровища детства, так и человечество, чем дальше идет, тем всё меньше понимает основы жизни, истоки и ценности её.

Ложные святыни

— Как он смел, — говорят о таком-то, — поднимать руку на общие наши святыни!
Поднимать руку на святыни нехорошо. Но на ложные можно и должно во имя настоящих.

Надо...

Надо, надо, надо... быть упрямым, сильным, всяким, только не самим собой. Вот нынешние молодые, да и не только они, перестают быть похожими на естественных людей и становятся похожими на роботов с заданными программами.

Все и каждый

Мне не нужны справедливость и рай для всех, если нет человека. Мечтаю о тех временах, когда всё мною написанное будет принято живыми людьми как естественное слово, естественная потребность души. Если бы такие времена настали, я радовался бы не только за себя — за мою родину. Будет ли это? Живые души, живая жизнь!

Остался ли у нашего народа дух? Иногда кажется, что нет. Страх притупил всё: совесть, чувство чести, мысль.

Литература всё ещё остается совестью и мыслью народа, его живой душой: А. Солженицын, Ю. Трифонов, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин...

Для чего существует литература? Конечно, для души, ответит каждый. Но душе нужно сегодня одно, завтра другое. И литературу ей подавай разную. Как быть? В настоящей литературе быстротекущее должно отражать вечность.

Самоограничение — источник духовного роста. Это давно известно. Но не всем. Истина никогда не бывает всеобщей. Самоограничение — рычаг архимедов. С юности искал я этот рычаг самоограничения и в то же время искал удовольствий.

Бывает, что человек расплывается в желаньях и топит в них свою душу. И наоборот: всю силу свою устремляет в одну точку и поворачивает что-то... и ломает. Сила оказывается не в тех руках.

Дух

Дух — это то, что над человеком витает, чем он пахнет. И если человек весь в заботах вещественных, земляных, то какой дух от него? И если так веками: заботы о пище, о животе, обманы, хитрости... И если много таких? И среди них, как среди гробов невапленных, ходят несколько живых душ, задыхающихся от смрада, как огоньки свечи в затхлом склепе?

Ложь

Всякий лгущий живёт двойной жизнью. Сначала это тяжело, для некоторых даже непереносимо, потом мало-помалу становится привычным.

Трагедия

Всё больше склоняюсь к мысли, что жизнь человеческая — трагедия без всякого высшего смысла. Все ценности жизни здесь, на земле. И вера тоже только земная ценность.

В сущности, как одинок человек! И какое это редкое счастье — найти близкую преданную душу. И как надо беречь это редкое счастье. И несчастье тоже. Ибо рано или поздно придётся расстаться. И тут надо смотреть так, что близкий человек вышел куда-то, а в душе оставшегося он продолжает жить.

На лавочке рядом человек с юга. Хочет знать, как устроить сына в институт. «У нас такие дела делаются просто — дал сто рублей, и дело сделано». Говорит об этом не стесняясь.

Так у меня было: сначала интерес к человеку другого народа, потом неприятно. Встал и ушёл.

О, Кейси как-то сказал, что пьесы пишутся не для того, чтобы их изучали, а для того, чтобы их смотрели и наслаждались. То же можно сказать о литературе вообще.

А человек живёт не для того, чтобы над ним экспериментировали.

Искусство же существует не для того, чтобы от него чего-то требовали, а для выражения художественного чувства.

Золотые яблоки

Золотые яблоки висят в саду счастья, как в детских снах. Как хорошо тянуться к ним и срывать иногда! Но я так давно не был в райских садах!

Перекличка

Мой ранний рассказ о любви написан под влиянием и как прямая перекличка с пришвинскими страницами дневников и его романа «Жень-Шень», как моя вариация на ту же тему. Так сошлось тогда, что своё, пережитое я мог выразить только такими словами.

— — Как должна была, наверное, быть счастлива женщина, любимая такой любовью, — сказала мне одна дама, прочитав мой рассказ.

А, между тем, девушка даже вряд ли знала о моём чувстве к ней, хотя, может быть, и догадывалась. Но счастливой себя от этого вред ли чувствовала. Даже не очень замечала меня. Была увлечена каким-то красавцем, много танцевала с ним на площадке городского сада.

Так получилось, что я не только своё узнавал в чужом, но у меня и в жизни было почти то же самое.

Перед сном стихи И. Анненского. Ночью, во сне, в какой-то далекой, не похожей на нашу, стране; чувствовал себя счастливым. Может быть, это была страна, которую я ношу в своей душе как обещание и возможность лучшей жизни. Уже перед утром в полусне строчки:

*Кто б так любил,
Кто б так пылал любовью,
Мне не найти уж больше никогда...*

Во сне река чувств текла свободно — и это было счастье. При пробуждении внешний мир сразу стал вставать препятствиями. Так, наверное, и в творчестве. Когда пишешь, освободившись от преград, чувствуешь себя счастливым. Одни пишут в грёзах и для грезящих. Это волшебники. Другие — трезво, для тех, кто трезво читает. Это реалисты.

К пишущим, но не пробившимся в издательства или в Союз писателей, у нас относятся как к людям второго сорта. Каждая рецензия, каждый отказ в признании — способ ещё раз унижить, указать им место в углу. Будь ты хоть семи пядей во лбу, без членского билета, без бумажки сам по себе ты — ничто. Зато ничтожество со степенью — шишка. Его величают, чествуют. Так было, впрочем, во все времена и, вероятно, будет до Страшного суда.

Надо... надо... надо... Надо так... Надо этак... А надо только одно: быть самим собой, каким создала тебя природа. Но ведь бывают и уроды. Как быть, если природа создала человека убийцей, нравственно кривым и горбатым?

В сущности, всё, что совершается с человеком, было и есть проверкой на прочность, на порядочность, на благородство. Страшный суд земной руками дьявольских слуг.

У всякой власти, какой бы она ни была, должна быть традиция управления, корни в истории. Когда корни эти вырываются, традиции, обычаи ломаются, то из самых лучших намерений ничего хорошего не получается. Отсюда многие ошибки, почти всегда в слезах и крови. Именно так было с большевиками. Власть без опыта управления, вопреки обычаям. Но и она принуждена была, в конце концов, с этим считаться. Однако только то и делала, что с этими обычаями воевала. Не считается и сейчас.

Простуда. Долгое недомогание. Постепенно выхожу из этого тумана, будто выползаю из старой шкурки. После болезни чувство нарастающего счастья, света и тепла. Подумалось, что, может быть, дети оттого счастливы, что тоже принимают мир как будто после заточения во чреве матери. И, чем дальше от жизни, тем больше болезнь. Тогда само небытие — самое большое несчастье.

Мудрец Сакья-Муни учил, что жизнь — это болезнь. И что, где жизнь, там страдания, и лучше не жить. Ну, а если нежизнь — болезнь ещё большая?

Январь, а дни такие тёплые с полным и всё прибывающим светом. Всё тает, голуби начинают рыдать страдальчески-страстно. Господи, как прелестна, мучительно-сладка жизнь в своем весеннем пробуждении, в пору надежд!

В молодости главный закон жизни – наслаждение и стремление к наслаждению. В нём тонет всё: и болезни, и страдания. Молодые не понимают, как можно отказаться от наслаждения. А для человека пожившего и узнавшего что-то ещё, оно просто уходит с первого места, и на смену приходит что-то другое.

Само наслаждение остаётся и вкус к нему не утрачивается, но оно уже не господствует над человеком так безраздельно, как в молодости. И это тоже один из видов свободы.

Как противна душе всякая муть, всякий обман! Вот мы и отходим, и сторонимся, уступаем дорогу. Уходим туда, куда бесстыжим людям входа нет. Здесь они хозяева, но дорогу в нашу сокровенную жизнь они никогда не найдут.

День переменный. Солнце то выходит и набирает силу, то опять скрывается. И так до вечера. К ночи же опять белая заволочь в небе. Ни звёздочки, ни просвета, как будто занавеска задёрнулась, и мы остались одни, разлученные с вечностью.

Остро, как в юности, прошла надрезом знакомая боль по сердцу оттого, что не пришло что-то, чего ждал, искал, на что надеялся, во что верил; та жизнь не пришла, то счастье, для которых рождается человек. Может быть, и приходила, да я не узнал, не мог встретить, удержать.

Давно уже не смотрю на свою жизнь как на путь к счастью, к славе, а только как на возможность сказать что-то своё людям. Пророков в наши дни много, но я знаю, что у меня был бы свой читатель.

Лишние люди

Несчастий так много, а сил всё меньше. И всё чаще приходит мысль о прекращении жизни. Уйти, как уходит окружённый солдат, оставляющий для себя последнюю пулю в обойме, чтобы не сдаваться, не ведать глумления.

Говорят, в наши дни нет лишних людей. Нет, этот тип вечен. Мы все ругаем Рудиных за слабость, а разве они виноваты, что тратили лучшие силы не на борьбу клыками и когтями, а на служение мечте? Да, этот мир не для мечтателей.

Всю жизнь, с самой ранней юности, только и делал, что бился, как рыба головой об лёд, и так и не нашёл лунки. И как мало видел помощи! Ни радости, ни надежды, ничего. Единственное облегчение: сказать об этом. И то только для себя.

Хожу в поисках места. Чиновники смотрят странно, как на человека, свалившегося с луны.

Нервы дошли до того, что воробьиный крик за окном нестерпим. Беспокойство точит и сверлит, особенно ночью.

– У вас трудный характер, — говорят знакомые. — Надо меняться.

Странное пожелание: ведь душу перекроить нельзя. И зачем? Для удобства начальников и окружающих? Не понимают, что, требуя этого, впадают в самый тяжкий грех насилия над душой.

Человек рождается с задатками характера, больше даже скажу, с задатками судьбы. Всё это в нём свернуто до срока, как в чашечке цветка. И жизнь не что иное, как постепенное разворачивание заложенных качеств.

Есть от природы характеры счастливые, и есть несчастные. Можно помочь человеку жить, смягчить резкие углы, сделать так, чтобы лучшее в нём вышло на свет и расцвело, но изменять основы характера опасно, противоестественно.

Вот говорят о человеке: он хочет быть лучше других. А отчего он хочет этого? Может быть, просто боится, что если станет в ряд, замешается в толпу, то к свету ему уже не пробиться. А без света он жить не может. Вот он и ищет отдельного места и защищает своё право на это.

Как мы безжалостны и больше того: жестоки друг к другу. Жестокость наша от грубости жизни, от притупленности чувств, от малодушия.

Бывает такое на душе, так досаждают тебе злыдни и слепни, что появляется мысль: хорошо на этой земле только мёртвым.

Всегда рассчитывал на высшее понимание своих поступков, а встречал их низменное толкование. Непонятно, откуда берётся в людях это желание огрызнуть, замарать человека? Немного стоят такие люди. Но как тяжело носить поношение даже и от них! Мне больно

не только оттого, что страдает самолюбие, но и оттого, что стыдно глядеть в глаза таким людям, стыдно за них самих. Но они этого даже не понимают.

— Вам дано пострадать, — говорят верующие люди. — Радуйтесь, а не ропщите. Не отказывайтесь от креста. За страдания вам воздастся Там, как и вашим обидчикам за обиды.

Но я хочу справедливости здесь, на земле.

После больших обид иногда думается: как жить с людьми, куда идти, и что нет тебе места в жизни. А коли места нет, жить невозможно, бессмысленно.

Самоубийц всегда предавали проклятию. За что? Ведь они убивали себя уже после того, как их убивали другие. И не на них этот грех.

Говорят, и уныние грех. Но это душа стонет. Что живая она. Если всё у тебя плохо, а тебе нипочём, ни совесть не болит, не душа не кручинится, значит то и другое мёртво. И это уже грех ни с чем не сравнимый.

Зло часто так неожиданно, непонятно, предстаёт в таких разных обличьях, что люди теряются, спрашивают себя: что делать, как отличить чёрное от белого? А когда отличают, не знают, как спастись от зла, которое кажется всемогущим. Ответ один: зло не властно над той душой, которая его не признаёт.

Обиды

Не разжигай себя воспоминаниями обид, ибо сердце, полное зла, подобно сосуду с нечистотами. Тотчас прощай и молись за обидевшего тебя, говорят апостолы. И очистишь душу, и исцелишь её — и победишь зло.

Помни: не ждать от людей воздаянья, не оглядываться по сторонам. Только так можно с достоинством пройти свой крестный путь. Через ошибки, муки, горячность первого чувства. Всё остальное пустяки. Непонимание горько. Но переживи и это. Другого пути нет.

Сторонись ложных пророков. У них место красит человека. Подлинных ценностей не понимают и убивают, не замечая. Убьют и зачеркнут всё что угодно.

На мои слова о совести многие смеются и машут рукой. Эх, дескать, чего захотел! Её давно нет. Но ненужность личной совести означает утрату верховного закона, отказ от ясного различения добра и зла. Жить без этого закона нельзя. Восстановление личной совести должно стать задачей современности.

Все мировые религии привлекали людей воспитательной основой нравственности. Это отвечает инстинкту стихийного ученичества человечества.

Страдательная и сострадательная этика христианства привлекает людей надеждой на отечески милосердный и справедливый суд, на возмездие за зло, верой в то, что добро не должно быть с кулаками.

Взял наугад Т. Манна «Будденброки». Страницы о Ганно. Нет, это роман не о «вырождении буржуазной семьи», как пишут толкователи, а о чём-то более глубоком. Разве тонкость чувств – это вырождение? Если так, то и вся цивилизация с Моцартом и Бетховеном – несчастье и вырождение.

Сочувствие и понимание женщин. Удивляюсь, как низко ставят мужчины, в большинстве своём, женщину, не постигая таких её качеств, как сострадание, милосердие, тонкость чувств и ума. Ведь, в сущности, женщина и глубже, и умнее, и благороднее мужчины. Может быть, оттого, что больше любит, а милосердие, сострадание и мудрость берут начало в любви.

Судьба женщины трагична. Душа её, как дерево, растёт вверх, цветёт и источает благоухания, но пора цветения — это пора завязи, из которой появляется и растёт плод, тяжестью своею клонящий женщину к земле.

Время зрелости

Время проходит у всех по-разному. И не возрастом определяется взросление, а восхождением к истине. Не к истине в светском понимании, а к Спасительной Истине. Время моего язычества прошло, я стал не старше, а старше, и, может быть, в чём-то даже моложе.

Измена

Все мы привыкли говорить: князь Курбский России изменил. Так ли? России ли? Или дурному правлению? Родине он служил, пока мог оставаться человеком. А от холопской жизни да пёсей службы проку не видел. И о нём ли одном такое сказать можно? А наши эмигранты 19 и 20 столетий? Да и лучшие из нынешних...

Чужая культура

Запоминается то, что часто видишь и слышишь. Но если часто видишь и слышишь чужое, оно становится твоим. Тяга к чужому ведёт к забвению своего. Хорошо, когда чужое — это забытое своё. Но если чужое привлекательно только потому, что оно из-за моря? Влечение к такому чужому сродни детскости ума, а то и прямому воровству. Навязывание же чужого есть форма культурной агрессии против самих себя, предательство. В результате – неуважение со стороны и самонеуважение. Не надо способствовать собственному покорению. Чаще обращаться и корням и истокам родной культуры. Это очищает душу.

Простота

О простом, доступном человеке говорят: «Душа-человек». И открытые люди всем нравятся. Но и простота имеет свои границы, иначе это уже не простота, а то, о чем говорят: «Ему хоть в глаза, всё божья роса». Теряя меру, простота становится некрасивой, и широта души делается пустотой.

Право на искренность, на откровенность — одно из самых естественных прав, потребностей человека. А многие ли этим правом в наше время пользуются?

Старая радиозапись. Эдит Пиаф — голос прошедшей эпохи, когда ценилась красота искреннего чувства. На каком резком переломе эпох мы живём!

Пушкин

От стихов Пушкина впечатление такое, что всё ему легко, и нет предельного душевного напряжения. Даже о глубоком как-то вскользь. Будь он Уже, менее блестящ — и был бы ближе душе. Ведь дорого всегда заветное, одна нота даже. Что удивительного, что радикальная молодежь когда-то кричала: «Некрасов выше Пушкина!» По-человечески, в каком-то смысле, да. Ибо Некрасов сострадал боли каждого, был верен одной идее, нравственным однолюбом.

«Печной горшок тебе дороже», — писал о таких Пушкин.

«Да, дороже. Я в нём не себе одному, я в нём другому бедняку похлебку варю», — отвечал Белинский.

В смысле сострадания русская литература начинается, конечно, не с Пушкина, а со «Слова о полку Игореве», протопопа Аввакума, Радищева, Гоголя, Достоевского. Но в смысле красоты *душа*, конечно, тянется к Пушкину.

Пушкин, в известном смысле, действительно, наше всё. Но зачем же носиться с ним, как с писаной торбой? В миф о Пушкине влито столько соков, столько лучших чувств, что он теперь представляется нам полубогом. Но в жизни для своих современников он таким не был. Его сопутники, тем паче противники, принижены.

В строгом смысле академической, то есть, вполне правдивой науки о Пушкине, как и обо всём его времени, всё ещё нет.

Одна из гениальных догадок Пушкина — это «гений и злодейство», перетекающая у Достоевского в формулу «всё позволено». У Пушкина вопрос, у Достоевского разгадка в объемной форме психологического романа. Гений и злодейство в жизни совместны как тень и свет, добро и зло. То и другое есть в каждом человеке. Но гений (понятие античное, не христианское) — не самый совершенный тип человека. Совершенный — это положительно прекрасный, то есть, духовно светлый человек. У Пушкина Моцарт — и гений, и светлый человек.

Люди чаще всего злы и завистливы от неталантливости. А если злы талантливые, то не от таланта. Талант как раз то, что освобождает от зла, поднимает над ним.

Пословицы

Кто в мехах, тот в грехах. Новое помело, да на старое повело.

Категоричность

Когда меня упрекают в категоричности, я отвечаю, что всякая мысль категорична в силу своей законченности. Категоричность тона — другое дело. Она от неумения слушать и уважать чужое мнение. Упреки же в категоричности мысли — тоже своего рода категоричность, только охранительная. Надо уметь принимать мнения и, не соглашаясь, высказывать что-то равноценное по силе. И тогда победит не категоричность, а более сильный довод. Категоричность законченной мысли — от веры и определенности. Такова категоричность Льва Толстого.

Юмор

Смех смущает душу, морщит её, как ветер воду. Разве это аксиома, что человек непременно должен быть весёлым и оптимистичным? От печали иногда становится светло, а от смеха грустно. Настоящие юмористы самые печальные люди на свете. (Гоголь, Диккенс).

Ирония

Ирония как защита от скорби и пошлости жизни. Не такова ли она и в литературе?

Интеллигентность

Интеллигент — это житель гор. Он сильнее и выше духом, чем житель долин. Высокий дух всё преображает. На высоте призраки тьмы рассеиваются, шум и суета остаются внизу. Но к этому, конечно, нужна ещё и доброта. Иначе высота станет высокомерием.

Книга

Постепенно для думающего и читающего человека наступает время, когда книга становится лучшим собеседником. Она не обидится, не обидит, даст все наслаждения чувства и мысли.

Пустоты

Из нашей памяти на несколько десятилетий были изъяты мысли и чувства, выражавшие духовные особенности нашего народа, высшие его достижения. Не издавались многие страницы Достоевского, Андреева, Бунина, славянофилы, религиозно-нравственные сочинения Л. Толстого, философы и сама Библия, весь «Серебряный век»... Образовались пустоты. Пророками стали второстепенные умы. Но теперь, когда многое к нам возвращается, эти маленькие пророки отодвинулись, потускнели и уже ничего не могут сказать нам о нас самих. Промежуточный этап культуры миновал. Перевязанные сосуды освободились, и задержанная кровь вновь пошла по капиллярам. Постепенно она дойдет и до сердца народа и поднимется к разуму.

Сон разума

Кто-то сказал, что детство — это сон разума. Но такой сон должен быть и у взрослых. День сменяется ночью, и бодрствование – отдыхом. И это совсем не обязательно приводит к дикости и невежеству. Бывают сны-мечты, сны-предчувствия и сны-пророчества. Ночь минет, настанет день, и человек проснётся с памятью о том, что видел во сне, и будет долго носить это в себе и в жизни искать. Не все сны плохи, есть среди них и «золотые», нужные душе как воспоминания о счастье. Надо радоваться, что бывают такие сны. Проснуться никогда не поздно.

Равнинный характер

У П. Я. Чаадаева нашел объяснение русского характера и нашей истории. Всё: от географии до этноса обещало создание равнинного характера, склонность к крайностям. И особый тип христианства: православие с его культом Воскресения в отличие от западного Рождества.

Надо бы упомянуть и о широте души, и об особом чувстве времени.

Здесь до Чаадаева был Гоголь, писавший где-то о единстве географии и характера народа.

Помню, когда в девятом классе высказал в сочинении на свободную тему такую мысль, учитель разгневался и поставил мне единицу.

Анкетный вопрос

«Что бы вы взяли с собой на необитаемый остров, какие три книги?»

Я взял бы дневники Пришвина, что-нибудь из Бунина и «Тихий Дон» Шолохова. Но вообще-то нет такой книги, включая Библию, которая заменила бы мне все остальные.

Жизнь и свобода

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой...» Великая мысль. И народ становится великим, когда она делается его достоянием.

Сколько людей читали и читают эти строчки Гёте, но мало кто сознает их подлинный, глубокий и трагический смысл. Ведь свобода достигается иногда ценой жизни. Ты погиб, а народ живёт. И не так уж важно, помнит ли он тебя, хвалит или порицает, как в сказке Горького о Данко.

Самое дорогое – быть самим собой. Право это добывается в жизни каждый день заново. Если в человеке, в целом народе живо это чувство, всё остальное они добудут сами. Но чтобы быть самим собой, надо опять-таки мужество. Путь к себе полон трудностей и опасностей. Не все могут дойти до заветной цели и открыть её. Многие выбирают другую дорогу: одурманиться, забыться, уснуть. И так в полудрёме прожить всю жизнь. Если так век за веком, поколение за поколением, то сколько же тьмы вокруг и как мало света!

В конце концов, здоровые люди всегда становятся борцами. Можно не победить, не получить награды, но и не уйти без борьбы. Без неё просто нет жизни.

Есть разные способы движения. Бывает так, что никаких практических результатов мы не видим, но это не значит, что человек стоит на месте. Не надо бояться, что ты отстанешь от века, не надо гнаться за скоростью. Всё твоё движение внутри тебя.

Вера

Без веры сердце засыхает, как дерево без дождя. Когда в душе нет потребности верить, человеку некуда идти, нет радости, нечем жить. Если говорить просто, то вера — это чувство. Она идет рядом с надеждой и заканчивается любовью. Всякая вера лучше безверия. Вера — это обещание. Ничьё сердце не остается равнодушным перед обещанием.

Время от времени возвращается загадка религиозного сознания: откуда оно в человеке? Думаю, во все времена обращение к религии было спасением от идиотизма жизни, единственным способом обрести равновесие, внутреннее достоинство, свободу. Не этим ли путем пришли к религии многие наши вольнодумцы (Достоевский, Толстой).

Лев Толстой

Синод осудил в Толстом его личную дерзновенность, дух сомнения и обличения. Он объявлен ложным пророком и предан отлучению от церкви. Он расходится с синодом и постановлениями соборов догматически. Но для нас главное не это. Учение его выстрадано. И никто не вдохнул в наши глухие десятилетия атеизма больше жизни в христианство, чем это сделал Толстой. Мы узнавали о Боге из его сочинений, когда все другие источники были закрыты. В церковь нас не пускали дружинники и старушки. Мы были настолько невежественны, что автограф из «Анны Карениной», который не посмела снять цензура: «Мне отмщение, и аз воздам», был нам непонятен, но намекал на тайну, которую мы пытались истолковать. Давно пора бы снять анафему с этого человека и предать ей тех, кто гнал и гонит Христа.

Совесьть народа

Хороших писателей много. Великих единицы. Есть что-то больше таланта. Может быть, это совесьть. Таков Лев Толстой.

Непротивление Толстого каждый понимает по-своему. Большею частью, буквально. При этом забывают о смысле целого выражения: «Непротивление злу насилием». Сопротивление злу тут есть (на этом построено учение: на борьбе со злом), но не оружием, а добром и неучастием во зле. Противоречие тут есть, но оно есть и в учении Христа.

Всё сказанное ими не надо принимать буквально, как последнюю истину, но как путь к истине.

Всё, что думал и говорил об этом Толстой, правильно, и надо подходить к этому без пиетета, но с любовью.

Литература

Литература, даже самая хорошая, захватывает только часть души. Бывает и так, что написанное художником, и вовсе неприложимо к той модели жизни, внутри которой мы живём.

Вот почему нельзя жить только в воображаемой сфере литературы, в её замкнутом пространстве. «Читали? Видели? Слышали?» Нельзя быть всё время под воздействием чужих мыслей, вкусов и чужого опыта.

Выбор

Личная свобода проявлялась во все времена в выборе между добром и злом, между другом и врагом, между честным и подлым поступком. Сложных узлов было меньше. Теперь человеку труднее разобраться в том, что ему выбрать. Поток чужих воздействий стал гуще и сильнее и всё нарастает. Тысячи радиостанций и газет вбрасывают в сознание человека нескончаемый поток самых разных сведений. И нет времени разобраться.

Свобода состоит в возможности пользоваться своими способностями. Это и есть основное право человека. Если оно нарушается, все разговоры о правах — пустая болтовня. Человек не может найти себя, если не знает своих возможностей.

Дворянское воспитание

В редакции, заговорив с молодой сотрудницей, встал.

– У вас дворянское воспитание, — сказала она. — Наши никогда не встают.

Между тем, что могло быть естественнее?

И так всегда. Как только человек естественен, говорят о его будто бы особом воспитании. Думаю, дело не столько в воспитании манер, сколько в чистосердечии. Поступай, как чувствуешь, — и выйдет всегда хорошо. Разумеется, если чувства изначально не искажены. Чистосердечие — это тот источник, из которого мы черпаем понимание добра и зла, красоты и безобразия.

Чистоту сердца и надо прежде всего беречь в себе.

Письма Чехова

Где-то в письмах А. П. Чехова есть строки о том, что он не заслуживает дурного к себе отношения, так как никогда не клеветал на коллег, не злобствовал по поводу чужих неудач, не лез в двери издательств и вообще старался не появляться в тех редакциях, куда его не звали. В его писаниях есть ошибки, слабости и противоречия. Но это объясняется размерами его дарования.

Если бы хотя бы половина из ныне пишущих могла бы сказать о себе что-нибудь подобное...

Если бы меня спросили, какие завоевания за последние 70 лет представляются мне особенно важными, я бы ответил, что главное «достижение» эпохи: усреднённый человек, не способный на яркие чувства и поступки, боящийся правды. Даже самых стойких из нас постепенно склонили к согласию с тем, во что в глубине души они не верят. И второе «достижение»: мы научились лицемерному языку.

Эпоха трагического макиавеллизма, обернувшаяся всеобщим разочарованием. Никто не может ни говорить, как думает, ни чувствовать, как хочет, да уже и не умеет.

Мы приобретали и теряли, вернее, у нас отнимали. Крестьяне приобрели и потеряли землю, рабочие приобрели и потеряли политические права, интеллигенция получила и потеряла свободу мысли, а все вместе что-то очень важное. Выиграла только власть. Но, съев всё это, она потеряла разум.

Возвратилось то, что было когда-то при татарах: неспособность к действию, к волеизъявлению, нечто близкое к явлению паралича или летаргического сна. Если это так, что может вывести нас из этого состояния?

У Маркса, особенно у Энгельса, везде присутствует живой человек, мера всего человеческой жизнью. У нас отдельный человек признаётся только на бумаге. В жизни ему не находится места. Всё человеческое, отдельное кажется вызовом самому существованию государства. Эпоха личного аскетизма с оборотной стороной ханжества.

Между тем, жизнь и смерть остаются мерой всех вещей. Не только для будущего должен жить человек, но и для настоящего, иначе всё оборачивается какой-то надчеловеческой религией государства. А. Гельман напомнил об этом в своих заметках в «Лит. Газ.». Сначала отдельная человеческая жизнь с её естественными радостями и горестями, а потом государство. Такая простая мысль! И как же нужно было перевернуть всё с ног на голову, чтобы она показалась революционной, колеблющей основы. Да, сначала человек с его совестью. Что не только не исключает ни жертвенности, ни высоких идеалов, а даже находит в этом условие полноценного существования.

Современный анекдот

В поликлинике прошу сделать мне перевязку потуже: ослабла повязка. Врач, молодой человек:

– У нас каждый гражданин Советского Союза обязан уметь делать себе перевязку сам.

Всё это с полной серьёзностью. Остаётся только, как писал Тургенев, «вложить в уста перст изумления».

Толкуют о назначении литературы, о пользе её и бесполезности... А всё назначение её в том, что она пробуждает душу. Если читаешь — и в душе твоей что-то сдвинулось: значит, цель достигнута. И это при том, что никакой цели художественная литература перед собой не ставит.

Литература— это дар творчества, созидания, который через писателя переходит к читателю. И, значит, ещё и акт дарения.

Старая русская речь на «о», ещё кое-где звучащая («понятно», «хорошо», «мамо»), откликается чем-то целомудренным и простым, бережным, как будто человек каждый звук в слове опускает на землю, как ребенка. Аканье рядом кажется наглым, а когда-то нравилось в его московском произношении.

Чехов и музыка

Слушал передачу «Чехов и музыка». Веяние красоты. Красота во всём: в словах, в чувствах, в звуках музыки. Чехову казалось, что настоящая красота впереди. Он верил в будущих людей, как верят все хорошие, добрые люди в своих внуков, правнуков. Но прекрасное было тогда. И если бы Антону Павловичу сказали, что наш мир всё более влюбляется в безобразное, он бы не поверил.

Время понижения художественного вкуса. Всё слишком жёстко и несвободно.

Жизнь не стоит на месте. Никто и ничто не может её остановить. Но есть разные способы движения. Бывает так, что никаких внешних результатов мы не видим, но это не значит, то человек стоит на месте. Его деятельность происходит внутри. Если вы не практик, не надо гнаться за скоростью. Есть движение внешнее и внутреннее. И что быстрее и лучше, это ещё вопрос.

Дух милосердия

Дух милосердия, когда-то неразлучный с образом врача, в особенности, медицинской сестры, выветривается, вытесняется грубостью, бездушием и ненавистью. Как часто мы наталкиваемся в поликлиниках и в больницах на тон нетерпимый и презрительно-грубый! Страждущий жаждет не только исцеления для тела, но и участливого слова, хлеба духовного, а вместо этого получает камень в руке. Тон многих медиков напоминает обращение тюремных врачей. Избави бог, проскользнёт человеческая нотка: это так странно — гораздо проще и привычнее грубость, жёсткость.

А сами наши посетители медицинских, да и всяких иных учреждений? Много людей хороших, участливых, но есть такие, что, точно, вчера слезли с ветки: людьми ещё не стали и неизвестно, станут ли когда-нибудь. Первая реакция в споре – злоба, звериный крик с оскорблениями, они так и летят из зева. Приходилось мне видеть одержимых в церкви: кричат теми же истошно-злыми голосами, это кричит из них дьявол. И в грубых людях также кричит дьявол ненависти.

Жестокость

Откуда этот нарастающий избыток жестокости? Причин, конечно, много. Но главная, кажется, в том, что иной человек сам давно перестал страдать, болеть совестью и болеет только гриппом. Что толку говорить такому человеку: берегите ближнего, в нём вы? Не остановит его и такая мысль, что люди тратят треть своей жизни на злобу, дрязги, мелкие счеты.

Давно сказано: учитесь уважать себя в другом и другого в себе! И как трудно это усваивается людьми.

Человек, конечно, от природы несовершенен, но нам даны примеры совершенства, и есть потребность быть лучше. Надо помочь человеку открыть в себе потребность совершенства.

Умные и глупые

Как это странно, что люди глупые и малообразованные во все времена стремятся управлять людьми умными и знающими! Как можно управлять миром, если в своей голове не можешь навести порядок? А, тем не менее, так есть.

Отчего глупые не понимают, что они глупые? Думаю, ум многих людей как бы застывает с детства. Неумные не понимают вред, который наносят своей деятельностью, и никогда не сомневаются в правильности заведённого порядка. Думающему человеку при таком положении вещей нет места.

Будет ли когда-нибудь так, что исчезнет зависимость одного человека от другого, и каждый будет жить по-своему в согласии с другими? Умные и глупые будут и тогда. Но глупые уже не смогут помешать умным жить по-своему.

Был человек как человек, даже ничего себе. Но вдруг попал в начальники. И вот уж не узнать его. Не новость, что когда люди посредственные волею случая выходят в командиры, они становятся врагами всего оригинального. Не ново. Но каждый талантливый человек, сталкиваясь с этим, заново открывает для себя странность такой метаморфозы. И открывает через боль и кровь.

Общее и своё

Общечеловеческое и национальное... Оба эти начала глядят в разные стороны, но где-то, обегая положенный круг, обязательно встречаются. Только для разных людей по-разному. Для одних общечеловеческое оборачивается безразличием к национальному. Этим всё родное трын-трава, прошлое — стыд один, удобрение, от которого надобно поскорее отвернуться и нос зажать. Кто ступил на дорогу космополитизма, тот ступил на зыбкую почву. Но, и следуя по узкой национальной дорожке, придёшь только в знакомое село и нового ничего не узнаешь. Надо идти к людям, какой бы национальности они ни были. Хороший человек везде хороший. И как приятно встретить такого человека в другом народе! Удивительное чувство человеческого братства.

Всечеловечность

Всечеловечность не означает отказа от своей народности. Народность же не в том, чтобы быть похожими на всех. Надо быть просто самими собой, не стыдясь этого. Не лучше ли быть просто русским и в эту меру быть частью всего человечества?

Всечеловечность за счёт народности, опыта отцов и дедов, а не отказа от них.

Как нельзя строить философию русской истории на Чаадаеве, так нельзя выводить «русскую идею» из «всечеловечности» Достоевского. В идее всечеловечности есть опасность расплывчатости, размывания коренного народного начала. Но, конечно, не надо замыкаться в узком национализме, в византизме, культурной моноэтничности. Прежде всего, быть самими собой, а общечеловечность скажется сама.

Воля личности

Западная свобода и внутренняя воля в русском народе. Смирение, сохраняющее внутреннюю волю. И бунты из-за воли, а не из-за западной юридической свободы.

И снова всечеловечность... Та ли это основа, на которой строится русский характер? Всечеловечность — не вид ли сверхчеловечности?

Одиночество

Говорят об одиноких людях: «Он живёт для себя». Говоря так, желают сказать, что он любит себя, бережёт лучшее для себя, а от других утаивает, делиться не хочет. Но разве одинокий человек от скупости один, от бедности чувств?

Выводить одиночество из эгоизма: не слишком ли просто? Разве семейными людьми движет не эгоизм, когда они выют гнездо? Разве не о личной радости мечтает каждый из них? Разве не для себя они живут, будучи связаны с другими?

Нет, видно, не всегда одиночество происходит из эгоизма. Бывает, одинокий человек живёт не только тем, что близко, а тем, что вне его. И вслушиваться в это становится главным занятием его жизни. Слушать лучше в тишине и одиночестве. «Выхожу один я на дорогу...». И вот то, что он там слышит, отдаёт людям. Это дается через отречение от личного счастья.

Пустынники

Уходили люди в пустыню для подвига духовного. Этому удивлялись, об этом слагали житийные легенды. А что до того было, как человек от мира отвернулся, упоминали вскользь, как об отжитом. А ведь нужна была большая беда, какие-то глубокие переживания, чтобы молодой, полный сил человек бросил семью, мир и ушел жить в пустыню. И ныне так бывает. И очень часто. Живет человек среди людей, как в пустыне. Вот о чём надо писать.

Бесконечность

Если подумать, то, сколько на земле неудавшихся жизней! И может быть, нет ни одной, в которой бы всё удалось. И ничего нельзя вернуть, ничего нельзя поправить. А ведь жизнь-то не шутка, начинаешь понимать, не случайность, не проба на репетиции. Она не повторяется. И как обидно, что, явившись из бесконечного, в бесконечность и уйдёт.

Говорят, жизнь: это движение. Значит, смерть — прекращение движения. Чем больше странствуешь душой и телом, тем больше живешь. От каждого, даже самого маленького движения, что-то меняется в душе. Не хотелось бы, однако, измениться настолько, чтобы ничего не чувствовать при виде чужих страданий. Но чем я могу помочь моему другу? Прежде всего, конечно, своим живым чувством. Я жив памятью о нём. Но ведь и он живёт, пока помнит обо мне. Я отзовусь на его страдания, и он откликнется. Он подаст мне руку: и я почувствую, что жив ещё. Будем же помнить, что ни в какой другой жизни после смерти мы, всего вероятнее, уже не встретимся.

Если что и жалко оставлять в мире, так это минуты близости человеческой, когда душа с душою говорит. Вообще жить нельзя без воспоминаний, без боли, без слёз, без чувств человеческих. Жизнь там, где всё это есть. Искусство и должно заниматься таким сокровенным в душе человека.

Память

Чем больше человек забывает или уступает забвению по малодушию или беззаботности, тем меньше у него остаётся. Это незаметно, но итог плачевный. Меньше остаётся и от самого человека.

В упорном соблюдении обычаев отцов и дедов сказывается народность духа, не желающего покоряться чужим влияниям. Народ не побеждён, пока он не потерял себя.

Кирилл и Мефодий

На старой цветной церковной открытке, залетевшей в нашу жизнь как осколок разбитой мозаики, два старца в хитонах, два брата: Кирилл и Мефодий. Кирилл-Константин по прозвищу философ: смуглолиц, темноволос даже в преклонные годы, настоящий человек полуденных стран. А Мефодий — седой и белый, как северный патриарх.

Красота

Красота — высшая ступень всякого явления и дела. И в этом качестве сама себе цель. Но плохо, когда минуешь все предшествующие ступени, в особенности, любовь и доброту.

Без чувства красоты нет глубины, нет настоящей радости сердца. Чувство красоты необходимо искусству.

Плохие стихи

*Стих бойкий, и уменье есть,
А больше ничего не счесть.*

О ком это? Я бы назвал, да у каждого перед глазами сколько угодно примеров. Человек всю жизнь пишет стихи. Всем видно, что это не стихи, а плохая рифмованная проза — он один этого не понимает.

Искусство

Сколько говорилось об искусстве, о том, что это такое! Сколько философских усилий затрачено! И это, в общем, хорошо. Плохо, когда за формулой забывается самое сокровенное, невыразимое. Формулу любви никто больше не пытается вывести. Когда-нибудь перестанут выводить в пробирке и формулу искусства. Из всех, прошедших, как весенний снег, определений, останется одно: искусство — это мечта о лучшем!

Огонь Прометея

Боги наказали Прометея за то, что он свёл огонь с неба, потому что боялись, что люди, овладев стихией огня, станут сильнее богов. Так говорит миф. Но, может быть, они предвидели, что люди будут пользоваться даром огня во зло.

Как вспомнишь всех этих Цезарей, Ксерксов, больших и малых владык (им же несть числа) и всё, что творилось и творится под небом силой того же самого огня, так поневоле подумаешь: во благо и во зло он нам достался. Он и греет, и светит, он же и жжет пламенем атомных взрывов. Где огонь и свет, там и пожары и пепел. Бывает ли так, чтобы от света не падала тень, чтобы огненный цветок не кусался? Наверное, чем больше огонь, тем жарче и больше опасности пожара, и чем больше света, тем гуще тень. И от этого никуда не уйти. Вечный ласковый свет без тени и ровное тепло обещаны нам только в Царстве небесном.

Вот об огне говорю, что силой его совершались многие злые дела. Но ведь и от тьмы не меньше зла произошло, и если тьма – это невежество, а свет — просвещение, то я за свет и против тьмы.

Внутреннее время

Очень не люблю, когда часы бегут или отстают. И до тех пор не могу успокоиться, пока не добьюсь точного хода. Нельзя дать времени течь, как воде сквозь решето. Нельзя, чтобы оно отставало. От этого страдает чувство жизни. Время на наших часах должно быть в гармонии с этим чувством.

Счастье

Всё моё — в пережитых чувствах, в явившихся им на выручку словах. Это мои дети. Для кого-то пусть слово мое, как гадкий утенок, он и перья сосчитает и где что не так покажет. Только я про себя знаю, что у него нехороший взгляд и недоброе сердце. Он может не пустить моих детей в жизнь, к людям, закидать грязью. Но золото и в грязи блестит. Однажды кто-то нагнётся, поднимет и покажет другим. Вот и счастье мое. А другого, видно, не дано.

Вечный студент

Петя из «Талантов и поклонников» А. Н. Островского и Петя из «Вишневого сада» А. П. Чехова — всё тот же тип вечного студента, у Чехова даже помолодевший, поюневший до романтической восторженности.

Два поколения: 60-х г. г. и начала следующего века. Случайно ли Чехов назвал своего студента Петей, не повзрослевшего «вечного студента», дон-кихота, одинокого мечтателя? Или как-то отозвалась в памяти пьеса Островского?

К «вечному студенту» надо бы вспомнить и тургеневского Беляева из «Месяца в деревне».

Какие ужасные школьные программы у нас по литературе! Какие вопросы на экзаменах! Какая уж тут художественная литература, какая красота, какое художественное чувство!

Музеи

Как в давние татарские времена в монастырях сохранялся свет знаний посреди всеобщего одичания, так теперь в музеях, светских монастырях наших дней, теплится лампада мудрости, зажжённая от большого огня прежней культуры.

В нашем быстробегущем мире музеи — это микросреда, консервирующая устойчивые ценности прошлого, хранилище, в котором, как в генофонде растений, ждут своего возможного оживления семена лучшей жизни. Но здесь есть своя опасность. Чем лучше консервация, тем меньше свежего воздуха поступает в хранилище. Это ослабляет связи с живой жизнью.

В споре двух культов: предков и потомков музеи на стороне предков. В этом смысле их существование нравственно необходимо. Между поедающими родителей потомками и жертвенными предками место музея на миротворной, жертвенной половине.

Огонёк на болоте

Повальный интерес к Григорию Распутину. Какой-то ансамбль «Бони-эм» поёт песню «Распутин» с ударением на последнем слоге. Что может быть соблазнительнее для расслабленных? Всё загнанное, нездоровое признало в нём своего пророка. Он как бесовский огонёк на болоте. Из мира Достоевского. Кто скажет, что Распутин чужой? Это наша косточка и наша кровь. В каждом из нас сидит свой Распутин. Он и в Гришке Отрепьеве, и в Аввакуме, и в Свидригайлове, и в юродивых блаженных. Залетел как будто из языческого мира. Когда-то такие люди становились вождями рода, племени и поднимали людей на большие дела или сеяли смуту в душах.

Тут что-то древнее, тёмное. Среди общей фальши он подкупал естественностью.

Имя это сразу стало мифом. И никто из ныне живущих не знает, каким он был на самом деле. Каждый видит в нём своё.

Общее благо

Бедное «общее благо»! Кто только не ездил на этом коне! Но общее благо по приказу превращается в общее зло. Труд по принуждению есть не свободный труд. Плоды его ничтожны, развращающее влияние невосполнимо. Он — основа лжи. Можно «работать» не работая и «служить» не служа. Во лжи преуспевают хитрые. Вот такое последствие принудительного труда и навязанного силой «общего блага».

Творческое усилие

Если труд по необходимости создал человека из обезьяны, то труд как творческое усилие создает человека творческого. Только такой труд, в соответствии со способностями, образует достойный мыслящего и свободного человека образ жизни. Насколько широко захвачена таким трудом личность зависит и то, каким будет человек в отношениях с другими людьми, с миром природы.

Послушать иных людей из департамента нравственности, так и труд, и любовь, и семья – не естественная необходимость, а общественная, государственная обязанность. Если завтра объявят закон об обязательном браке, эти люди ничему не удивятся. Кто привык к языку принуждения, иного не понимает.

Диалектика революции

Революции совершаются во благо народа, но приносят с собой жестокость. Это объясняют диалектикой борьбы. Диалектика революции, конечно, есть. Только что это за диалектика? Теперь, когда мы узнаём правду, оказывается, что те, кого травили, стреляли и изгоняли, бывали и лучше, и человечнее тех, кто это делал во имя добра и блага народного. Впрочем, бывало, конечно, и наоборот. Революция зреет как возмездие за посеянное зло. Но, выплеснувшись на волю, став под знамя справедливости, сама становится не чуждой зла. Революция — смута. В мутной воде ловят рыбку и нечистые на руку люди. Революция — не один алый цвет побед. Здесь правда должна идти вровень с жизнью и не оборачиваться ложью во спасение. Судья же над всем один — совесть.

С удивлением уже вспоминаешь, как это в прежние времена люди умели дружить, любить, быть участливыми без притворства. И не так давно это было, на нашей ещё памяти. Были, конечно, всегда и свои сенковские и булгарины, но были Пушкин и Дельвиг. Вот «пятницы» Я. П. Полонского. Сколько теплоты, тонкости душевной, деликатности! Это и есть сад культуры, «сад российской словесности». И какая разница с последними нашими днями! Души тщетно ищут друг друга, как корабли в тумане, а то и не ищут вовсе. Нет музыки отношений, согласия, нет сада культуры.

Важно не то, какой талант, большой или маленький. Важно, что он верен себе.

Поэт, как музыкальный инструмент. Он звучит в согласии со своей природой, иначе не может. Его ли за это порицать? Ломать ли инструмент, издающий не те звуки, которые хотят слышать критики? Дело знатоков судить, а не казнить. А то ведь сплошь и рядом: не понравилось, сейчас струны прочь — и кончено. Карательная критика. С музыкальным инструментом ещё куда ни шло, а если сломаешь душу, как тогда? Но большинство критиков об этом не думают. Спят спокойно и даже с каким-то наслаждением ломают чужие души.

Одушевлённая вселенная

У поэта внутренний слух настроен по-особому, внутреннее зрение, как у человека, смотрящего в микроскоп и видящего то, что обычному глазу не видно. В любой пылинке, капле воды, в звуке голоса, в невидимом движении чувств заключена для него целая вселенная со своими отдельными мирами, а в них свои законы, свои драмы, свое течение времени.

Вот почему поэт дорожит такой дружбой и такой любовью, которая не разрушает это его состояние, а помогает ему длиться. Здесь всё полно неизъяснимой прелести, таинственности, как в движении космических миров, только теплее, одушевлённое. И это путешествие по одушевлённой вселенной – высшее счастье, доступное поэту.

Аура

Если у каждого художника своя аура, то у А. Блока она голубоватая, мерцающая, как столп тумана, поднимающегося к солнцу. У Лескова вся в кровавых муках рожденья. «Незнакомка» Крамского, краснощёкая, мордастенькая, ещё не из мира Блока, но уже и не из мрака Лескова. Блоковская незнакомка — как лунный свет в ночном тумане.

А какая душа у Пушкина, Лермонтова?

Пушкин — раннее утро, когда кругом всё ещё только просыпается, соловей пощёлкивает, а солнце уже радостно восходит. Лермонтов — внезапный полдневный мрак. Тургенев — ясный жаркий полдень, ленивая истома деревенских полей. Толстой — как дуб посреди дубравы, тень от дуба, и в тени земляная яма. «Не хочу мира сущего, не хочу солнца. Хочу свою вселенную». Но потом, когда солнце стало склоняться к закату и тени стали гуще, он мир и солнце простил и благословил.

А Бунин? Спит и грезит наяву в сладком хмельном забытьи. От солнца и томно, и хорошо, от дождей сладко, от выюг и морозов песенно.

А Фет? Всю жизнь, как бедуин в пустыне; под покрывалом одни тоскующие глаза.

Тютчев как дух познания, сомненья и любви, склонившийся над землей.

... Вот, когда выскажешь то, что на душе, можно выйти во внешнюю жизнь. Это и есть: «из себя в люди». Обязательное одиночество вначале. Сначала сущее: вдох, потом слово: выдох. Если вздохнул, значит есть воздух в груди, можно и выдохнуть, и сказать, и пропеть.

Ещё об А. Блоке

Блок кажется мне иногда лучом света, забравшимся в звёздное ночное небо, на такую высоту, на которую никогда не поднимался Пушкин. Его светлому гению такой звёздный романтизм казался претенциозным. Блок в сравнении с Пушкиным может казаться даже псевдопоэтическим. Незнакомки, прекрасные дамы, мистические предчувствия — всё это не пушкинское. Его мотивы: земная жизнь, земные люди и моцартовская музыка.

В современном искусстве много жизненного сора. Случайное в жизни, а значит, случайное и в искусстве.

Вечное только в вечном; тем и зелено дерево искусства, и реализм — это не зеркало случайностей.

Я за искусство, освобожденное от случайностей.

И еще. Если искусство будет держаться за старые формы, оно умрёт. Моё стихотворение «Дневной полет». Непривычностью, жизненностью формы оно и смутило редакцию.

Современной литературе не достает обобщения, высшего света искусства. Она гонится за тенью дня сегодняшнего. Нужна не деревенская или городская проза, а человеческая честность. Иссякание жизни, грань катастрофы: вот о чём лучшие вещи В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина, Ч. Айтматова. За человеческое в человеке, за вечное в жизни! С оглядкой назад, ибо не всякое прошлое мёртво, и не всякое новое обязательно и неизбежно.

Дом и семья

Два эти слова всегда стояли рядом. Без дома немислима семья, и семья невозможна без дома. Теперь почти у всех только квартиры, жилища вроде гостиницы. И семейные связи приобретают временный характер. Квартира, даже в пять комнат, есть, а семьи нет. Нет связи внутренней между людьми. А можно жить в одной избе, домом, а не квартирой. Дом — не жилая площадь, а обитель семьи, построенная своими руками, венец и вершина жизни.

Дом это ещё и стены, защищающие от мира, полного случайностей. Это возможность побыть одному или с близкими. Здесь ты сам себе господин и с вещами в ладу. Здесь ты в безопасности. Здесь ты равен себе самому. В пустыне или в безлюдном лесу ты песчинка в море песка, травинка среди бесчисленных трав. В доме ты — человек.

В жизни всё чаще бывает так: где особенно нужно милосердие, встречаешь бездушие или даже жестокость. Грубость и зло проникли во все поры нашей жизни.

Некогда врач и милосердие были одно и то же. От одного звука интеллигентного голоса старого доктора делалось покойнее на душе. Милое, наивное время! Где ты, чеховский доктор?

Ушло ли добро из жизни? Нет, оно не ушло, просто попало в грубые руки. Ох, как не хочется, чтобы так было и в будущем. А, между тем, все признаки огрубения налицо.

Глубокий источник

Сегодня после довольно долгого перерыва снова заглянул в дневники М. М. Пришвина «Глаза земли», мою заветную книгу. Удивлялся сочетанию слов, таящих в себе неожиданный смысл. Книга эта прочитана мною много раз и, больше того, она всегда рядом: душа моя пьёт из нее, как из чистого глубокого источника.

Теперь же после тридцати лет, в течение которых я почти постоянно брал воду из этого источника, почитая её целебной, дающей мудрость и не имеющей равных по чистоте вкуса, вдруг показалось, что вода как будто опреснена, что-то утратила. Но ведь это та же вода, тот же источник. И, скорее всего, не вода в нём стала хуже, а душа моя устала от чтения, запылилась в суете дней, пресытилась и уснула. Я приду к этому источнику в следующий раз — и живая вода снова омоет душу.

Мудрость Пришвина — из открытого сердца, искреннего и правдивого, расположенного к добру. Без отзывчивого и доброго сердца не поднимешься к настоящей мудрости. Зло, ожесточение закрывает пути к Софии. Вот чего надо бояться: ожесточения сердца.

Как мы вообще читаем? Прочёл один раз книгу и думаешь, что впитал всё в ней заложенное. А хорошая книга всегда многослойна. Вот почему мы возвращаемся к ней не один раз.

Как я читал раньше Пришвина? Читал всё, но что было непонятно, то пробегалось глазами и оставалось за чертой сознания. Это было похоже на сеть с дырами, в которой застревала только крупная рыба. С годами сеть моя стала помельче, и многое, что проскакивало раньше, теперь застревает в ней. Остаётся такая добыча, о которой я раньше и не догадывался.

Вот поэтому, наверно, я так долго читаю эту книгу, что она открывается мне постепенно. Не устаю и от повторений того, что давно усвоено, но так же, как и раньше, живо и интересно. Не могу представить себе времени, когда читать в ней будет нечего. Глубокая книга переживает и своего творца, и читателя.

Мир без любимых книг, без поэзии чувств несчастен, гол, скучен. Несчастен и жалок человек с односторонне развитым умом и невоспитанными чувствами. Ум его бесцветен, бесплоден и одинок. Это Клим Самгин.

Ранние вещи Гоголя в прозе. «Арабески». Вдохновение пророка. Иногда вспоминается И. Бунин, очерки путешествий по святым местам Востока. Совершенно тот же стиль, тот же полёт души, то же поэтическое волнение, экзальтация. Гоголевское крыло, несомненно, опало у него в юности.

Бесконечно жаль людей, никогда в жизни не осеняемых благодатью гения, не ищущих её.

Удивительно живая душа! Птица-гоголь. Как будто рядом с тобой, всё чувствует, всё понимает: признак настоящего писателя.

Как много передумал он ещё в юности! Как много открылось ему! И сколько всего будит он в душе другого человека-читателя!

Самобытен и празднично ярок во всём, от записок учёных до поучений. Какая рокочущая музыка в слове! И как умён! Не умничаньем, а сутью, не немецкой выучкой, а полётным всечеловеческим гением.

Читайте Гоголя. Он услаждение души, свет и жизнь.

Настоящая свобода есть такое состояние души, когда все её лучшие способности поднимаются на высоту поэтического полёта и доставляют наслаждение, равное наслаждению любви.

Отчего между людьми несогласия? Оттого что душа одного из них, а, может быть, и обоих сразу, в мути и грязи. Тут можно сказать только одно: очисти душу, найди в ней добро, подходи к другому со светлой душой. Если оба так: несогласия быть не может.

Не об этом ли дневники Пришвина? В них вся жизнь души, но очищенная от сора случайностей.

Когда умирает поэт или пророк, о нем начинают говорить в превосходной степени, но к тому чувству, с которым каждый отдельный человек когда-то открыл его для себя, уже ничего прибавиться не может.

Возмутитель спокойствия

Можно сказать о В. Высоцком, как когда-то говорили о Маяковском: «Он дал голос улице». Более того, он вернул нам естественность, от которой нас успели отучить. Растревожил полуспящую душу, и, может быть, не только нашу, но и человеческую вообще. Его песни — не песни, а крик изболевшейся души, которая уже не может молчать, утробный крик человека, доведенного до отчаяния. Его как бы вырвало ложью и притворством, которыми пропитана наша жизнь.

Но он же и Хлопуша из пушкинской «Капитанской дочки». Рёв и крик. «Бунт бессмысленный и беспощадный».

Сожалея о смерти, упрекая кого-то, в чём-то виня, мы забываем о судьбе, о том, что её решения грозны и непреложны. Их надо только принимать, не сетуя, не возмущаясь.

Примеряя на себя чужую жизнь, мы часто судим ближнего, забывая заповедь: «Не судите, да не судимы будете».

Причины несчастий

Отчего несчастен человек? Одни говорят: от черни в душе, от болезней; другие — от несправедливости; третьи — от бедности. Но вот и сыт человек, и богат, и здоров, а несчастен. Верно говорят, что счастье и несчастье — в душе. «Не родись богатым, а родись счастливым».

— Но как сделать, чтобы душа была счастлива?

Путь к счастью простой: любить, не желать лишнего, не делать зла, быть самим собой.

Горе народу, не умеющему уважать своих лучших людей, даже не умеющему распознать их. Это значит, что народ не чувствует этих свойств в себе самом.

Еще Гоголь в «Избранных местах из переписки с друзьями» сказал, что правительство выходит из тех же людей, которые составляют народ. И потому, прежде чем желать порядка в государстве, найди его в себе. Его не поняли, да не захотят понять и сейчас.

Между тем, распознать, кто чего стоит, нетрудно. Надо начинать с честности. С замены правителей и начальников, делая упор на хороших людей. Делу они быстро научатся, а честности не потеряют. А то ведь настанет время, когда такие люди выведутся, и взять их будет неоткуда.

Бывает, мы удивляемся на человека без стыда, что всё ему сходит с рук, ничто его не берёт, и он живёт даже лучше честных людей. Но и на него есть свой час. Как бы ни был силен человек, судьба всегда найдёт в нём слабое место. И Голиаф бывает побит Давидом.

Может быть, мы и доживём до того времени, когда честных людей будут опять ценить и уважать и к ним обращаться за советом. К тому идет. Не опоздать бы. А уж забот у этих людей будет выше головы. И будут они в поте лица перепаживать землю русскую, очищая её от плевел, скверны и змеиных зёрен, и будут неусыпно оберегать урожай от неизбежных бурь, засух и хищных птиц. Тогда вернуться на Русскую землю защитники, тогда понемногу всё встанет на свои места. Люди будут прямо смотреть перед собой, и яснее будет, кто чего стоит: где ум поддельный, вычитанный, а где настоящий, где правда, а где кривда. Без различения же этого будем всегда блуждать в темноте, натываясь на камни, разбиваясь, теряя веру в то, что есть на земле ясный свет правды.

Пасынком стал русский человек на родной земле, да ещё и нелюбимым. А нелюбимый пашенок — часто и «дурак», и «пьяница», особенно в чужих недобрых глазах. Сначала человек лишён народного имени, памяти, родства, потом чести и совести — и так с каждой ступенькой опускается всё ниже, пока не окажется в грязной канаве. И вот уж его брезгливо обходят все, кому выпала более счастливая доля.

Случилось всё, от чего предупреждал Ф. М. Достоевский в «Бесах». Надо вернуться назад, чтобы идти вперёд, а не в сторону.

Нормальный человек, путь которого прошли все народы Запада, со всеми их ошибками и преувеличениями личности, должен быть безусловно дорог нам. И наши романтики-идеалисты, сотни прекрасодушных мечтателей ближе к идеалу русского человека во всей его русскости, чем наши отечественные «печенег», говоря словом А. П. Чехова из одного его рассказа. Чацкие, Печорины, Рудины достойны уважения, а не осмеивания и презрения. В «Истории города Глупова» этих имён нет.

Всё это утро легко писалось. На душе хорошо, как в далёкие годы. И я подумал: «Может быть, и в самом деле, есть Бог, и Он послал мне то, о чём я просил его? И, если есть, то, наверное, услышит, что я думаю о Нём, и зачтёт мне это».

Думая так, я поймал себя на том, что уже ни о чём не могу подумать просто, без задней мысли.

– Разве так надо? – спросил бы меня Господь.

– А как, Господи?

– С чистой верой, с детской душой, без лукавого разума.

– С чистой верой? Без лукавого разума? Хорошо бы... Да как в нашей жизни с одной только верой без лукавого разума?

Есть государственные, и есть народные начала. Где они переплелись и где разошлись, сейчас уже не скажешь. Только ясно: если государство вырастает не из народа, а, наоборот, вторгается в народ, жизнь становится неестественной. У государства свои законы, а у человека свои. Чем больше государственности, тем меньше человечности. И потому ничего удивительного, что в жизни там много лжи. Где больше государственных людей, там больше бюрократов и меньше частных людей. Бюрократ же просто паразит. Он питается соками и кровью того народа, на шее которого сидит, как клещ на дереве. Оно рухнет — и паразит погибнет. Но он и этого не понимает. И зачем ему? Его задача — высасывать кровь и соки, а что из этого выйдет, об этом думать нечем, некогда и незачем.

Как укротить такое чудовище, охватившее дерево снизу доверху своим змеиным телом? Способ только один: разлучить дерево и змея.

Спросите себя, чем была и что есть для нас власть? Всегда это нечто чуждое, незваное, насильственное, мешающее жить, всегда появляющееся для того, чтобы чему-то помешать и очень редко помочь. Мешая жить, такая власть толкает людей на неправильные решения и поступки, а потом наказывает их за это. И вся её задача в том, чтобы не разорвался этот заколдованный круг. Наказание за такой образ жизни: растерянность и слабость одних, и торжествующая наглость других.

Всё проходит, и все проходят. Всё на свете только сон, отделяющий от последнего пробуждения. Но, может быть, это взгляд усталого ума? Для свежего человека и молодого народа каждый миг жизни трагичен или радостен. И с такой точки зрения, любая жизнь есть подвиг, правда, всегда с чертами комедии. Но, когда жизнь – борьба, это и комедию преобразует в подвиг.

От способа жить — и точка зрения. Тут всё зависит от уровня правды, в которую веришь.

Культовое сознание

Думаем и пишем о Сталине: одни как о великом вожде, другие как о великом злодее. И в том, и в другом случае остаёмся в плену культового сознания. Злодейств на совести этого человека много. Но что, если не в нём одно дело? Если он выражал собою дух времени, болезнь нашей истории? Ведь всякий Наполеон рождён обществом и выражает собой все представления общества о добре и зле.

Дух времени сказался на характере его правления. Но и личные свойства – тоже. Сталину было свойственно мессианское сознание спасителя человечества, понятое ложно, сопряжённое с гордыней и желанием беспредельной власти. Чувство власти постепенно затемняло в нём сознание первосвященника социалистической идеи. То и другое с самого начала было в тугом и неразделимом сплетении в его душе. Власть и страх занимали в ней всё больше места. И от страха и жажды власти шли злодейства. Иначе он уже не мог.

Наука о литературе

Наука о литературе до сих пор (особенно практика преподавания) сводится к апологии нескольких лиц, к культу имен, а не к изучению процесса литературы. Это я называю преподаванием по монографическому принципу. Надо строить по историческому. Тут всё другое: и критерии, и масштабы, и общая картина, и частности. Монографический подход возможен, но надо, чтобы из этого не получались апологии одних и анафемы других. До сих пор нет исторической оценки многих и многих лиц. На некоторых клеймо проклятия. Как люди, булгарины и гречи, может быть, и не заслужили более высокой моральной оценки, но и в литературном синодике они занесены в список отлучённых. А в живой литературе они были заметными фигурами.

Прежде всего, нужна полнота представлений об исторической картине литературной жизни.

Когда нет правды в жизни, люди усиленно ищут её в мире идеальном. Отсюда парадокс: в неправдивых странах особенное внимание к правде в искусстве.

Гордыня

Теперь, когда встречаюсь с неприятными мне людьми, чувствую к ним и к тому, что они обо мне думают, почти полное равнодушие. И по этому вижу, как много отошло от меня за последние годы. Вижу в людях слепую гордыню и думаю, что когда-то и сам был таким. И не вся она ещё и теперь отошла от меня.

Поглядел на исписанные за последние два года листки. Их довольно много. Это напомнило молодые годы, когда я только начинал писать. Тогда всякая «мелочь»: меткое слово, образное выражение попадали в записную книжку, казались драгоценными, радовали. О том, чтобы они стали достоянием гласности, общей собственности не было и мысли. Всё писалось для себя. Именно, пишу, как дышу. Я был тогда свободен. Единственное моё богатство были эти записки. И теперь, когда я освободился, опять начал собирать по крупинкам свою душу.

Сценка в воображении

Бывает, вспыхивает в сознании какая-нибудь сцена или картина. Иногда она обрастает подробностями и получается рассказ. Иногда остаётся сама по себе как карандашный набросок, эскиз. А бывает, и вовсе не видишь никакой картинки, а только повторяешь её образ, сложившийся не в зримых чертах, а в словах, как вот эта сцена побега, может быть, из лагеря.

Бежать или не бежать? Он побежал. Одна пуля жикнула рядом, другая ударила ему под лопатку. Он был убит. Он это знал, но ему не было страшно. И с этим чувством он умер.

Не говорите, что «Аве, Мария» Шуберта, хоралы Баха или «Троица» Рублёва — только искусство, только музыка, только икона. Всё настоящее выросло из веры, у кого в бога, у кого просто — в идеал. Сначала было одухотворение темой, потом вознесение к высотам творчества.

Пустота многих современных произведений искусства происходит от отсутствия одухотворённой мысли.

Рождество... Звезда Вифлеема... Крещение... Правда ли? Сказка? Не мешайте людям верить в то, во что им хочется верить. Нельзя убивать веру. Ею жива душа.

Как псалмы Давида утешали Израиль в обидах его и бессилии, так утешало Евангелие лишенную сил, истерзанную Русь. Поэтичность книжного языка — не последняя причина завоевания умов и душ, как и великолепие церковное.

«Красно украшенная Земля Русская...». Потомки забыли, что это, значит. Может быть, была, и в самом деле, некогда сильная, светлая и начинавшая устраиваться земля, или могла такой казаться. А потом всё изменилось. И люди перестали верить в то, что так могло когда-нибудь быть. Земля эта, вера в неё погибли. Осталась только в смутных воспоминаниях, как загадочная Атлантида.

Старые боги

А всё же жаль иногда старых верований. Много в них было страха перед явлениями природы, но была и поэзия: и всё это исконное, наше. Бог, конечно, один — это совесть. Но представления о нем принимают разные обличья. И нет греха в памяти о родных верованиях. Если, меняя верования, меняют и душу, вот это грех. Родные боги блюдут достоинство народа. Надо помнить о том небе над головой, которое открылось в твоём младенчестве.

Может быть, внутреннее несогласие в Русской (Руськой) Земле происходило и происходит оттого, что в состав Её вошли разные, во многом несходные племена? Отсюда разночувствие, недружность. Но ведь так создавались и все другие народы.

«Нет ни иудея, ни эллина» — где это родилось? Подлинно ли Христос сказал эти слова, или богословы — после иудейских войн, когда быть иудеем значило погибнуть? Во всяком случае, пришлось они кстати в Византии, где смешались крови всех племён и где быть никем означало большее удобство для всех. Наёмники и пришлые люди всегда лучше для власти, чем природные подданные. Так было в России при Голштинских династиях.

Но зачем человеку быть никем, когда он рус, иудей, или эллин? Это неважно только в отношении к Богу, а в жизни долго ещё будет необходимо.

Талант

Талант — это особенность внимания к тому, мимо чего большинство людей проходят как мимо незначительного. Уметь почувствовать каждый миг времени, уплотнить жизнь — это самая сердцевина таланта. Чем плотнее человек чувствует жизнь, тем он талантливее.

Столько всего сделали люди на земле, так изменили самый облик её, что невольно думаешь: вид наш необыкновенно талантлив. И между гениями внутри его и обыкновенными людьми, может быть, и нет такой разницы, как принято думать. Гений тоже представитель рода, флейта его и цевница. А от сознания исключительности происходит раскол. Лист с дерева падает и засыхает. И высыхание его есть зло внутри рода человеческого.

В жизни мало «плотности». Отсюда многие беды. На пустяки, на ссоры, на злобу мы тратим немалую часть времени и сил.

Душа с душою говорит

Слушал по радио «Лес» А. Н. Островского. Пишет типами, крупно, не так, как Чехов. Этот заглядывает в каждую душу, резких красок не кладёт.

Женщина-актриса в «Лесе», «Талантах и поклонниках» как предчувствие чеховской «Чайки», искушения театром, посвящения в актрисы.

И влюбленная в мальчика барыня, как у Тургенева в «Месяце в деревне».

Ловлю эти переключки, и на душе хорошо, точно гуляю среди знакомых лиц. Душа с душою говорит.

Фантазии

Мои фантазии о путешествии во времени. В букинистическом магазине старинное издание книги Фламариона о жизни на звёздах. Рассказ о том, как человек, оказавшийся на далёкой звезде, свет до которой идёт с земли миллиарды лет, увидел всё с первых дней творенья. Так и назвать «Свет далекой звезды».

Самовнушение

Увлекаются новомодными автотренингами: «Я хочу того-то, я уверен в себе... Я самая обаятельная и привлекательная... я... я... я». Как это ребячливо, глупо! Говорим, вместо того, чтобы вслушиваться в то, что происходит в нас.

Суеверия

Кто в наши дни признается, что он суеверен? Мы убеждены, что давно разгадали все бабушкины сказки. А не понимаем, что суеверия — это смутные представления. И таких в наше время, может быть, больше, чем за все последние десятилетия.

Одно из суеверий нашего времени, что необходимо жить не по-отечески, а так, как живут в Лондоне, Париже, Нью-Йорке или даже Токио, что нельзя без личного автомобиля и т. д. и т. д.

Пушкинские дни

Снова Пушкинские дни. Речи, слишком напористые, чтобы быть искренними. Пушкин — гений! Кто же с этим спорит? Но зачем оставленный им золотой рубль бесконечно размещать на мелкие монеты? Ничто не делает очевидную истину в такой степени бессмысленной, как частые повторы. И притом, ни одной свежей мысли, ни одного нового слова. Как будто чиновники по литературному ведомству один за другим расписываются в книге у генерала, боясь отсутствием своим навлечь на себя неудовольствие Его Превосходительства.

Когда всё время говоришь об одном, даже очень талантливом человеке, невольно обедняешь историю. Возвеличивая одно, принижая другое, ибо одно имя, даже очень значительное, не может вместить в себя всю полноту времени. Незаметно юбилейные витии становятся на путь создания культа человека, менее всего желающего быть богом. Путь, уводящий от истины.

Снежный ком

Каждое знаменитое имя похоже на снежный ком. Чем дальше он катится, тем становится больше. Так и знаменитый поэт. Чем больше проходит времени, тем большим сонмом толкователей он обрастает. Немногие из них помогают понять читателю скрытое от него временем и воспитанием. В сущности же, каждый художник может сказать читателю ровно столько, сколько уже сказал из уст в уста своими произведениями.

Дух многоглаголенья

Дух этот был совершенно чужд Пушкину. Непосредственность без рефлексии, спартанская простота слога. Этим он резко отличается от тех, кто писал и пишет о нём. Поэзия была частью его воспитания, в котором всё лишнее считалось вульгарным. Его дело было плыть по реке, текущей в вечность, и из сора, мути жизни вылавливать вечные мгновенья.

В сущности, Пушкин был гениальный эскиз, первые откровения юности, зерно, упавшее в благодатную почву. Входами была вся русская литература. Но и тут не без преувеличений.

Говорят о пушкинской Татьяне, что из неё вышли чуть ли не все женские образы русской литературы. Но тургеневская Елена из «Накануне» — это, конечно, не Татьяна. Елена не отдана, а выбрала сама свой путь. Анна Каренина тоже совсем не из Татьяны. Да и женщины Достоевского, истолкователя Татьяны как идеального образа русской женщины, совсем не пушкинские.

Что самое удивительное в «Онегине», так это простота и лёгкость рассказа. Стихом Пушкин владел так, как не все владеют прозой.

Дуэльные сюжеты

Дуэльных сюжетов было не так много в русской литературе до Пушкина. Лермонтова так поразила пушкинская история дуэли, что в «Герое нашего времени» он примерял на себя трагическую одежду. Дуэль казалась ему единственно достойным концом поэта.

В «Маскараде» Лермонтова, подумалось мне после фильма «Поэт и царь» (1927г.), в истории ревности, трагедии оскорбленной души среди блеска бала, не отразились ли следы так поразившей Лермонтова драмы Пушкина? Может быть, не Отелло стоял перед очами Лермонтова, а Пушкин?

Ещё сравнения

Тартюф Мольера и Фома Опискин Достоевского. Не знаю, делалось ли уже такое сравнение, а что-то общее есть.

«Униженные и оскорблённые» Достоевского и «Лавка древностей» Диккенса. Нелли — Нелли, обе так похожи, несчастные, больные, умирающие, обиженные; старик, Сквивеллер, эксцентриада и т. д. Так близки стихии этих двух романов, что не заметить сходства невозможно.

Важно не только то, что автор говорит, но и то, что он хочет сказать, даже если это скрывается за наивностью формы. (Диккенс «Лавка древностей»).

Лучше или хуже образы искусства, чем сама действительность? Важно то, что это разное. Одно сыро и полно случайностей; другое пропущено через сердце художника.

Искусство не копия, не «суррогат», а всегда плод воображения, то, чего не было. Иначе, какой смысл повторять уже существующее?

Полуправда

Просветительская схема человека всё ещё определяет наше литературное сознание. А это полуправда. Теневая сторона человека замалчивается. А люди становятся страшными. Все ищут наслаждения, всеми способами; мораль «всё позволено» становится почти нормой. Как тут обойтись старой схемой? Потому она и ползёт по всем швам. И уже появляются произведения, в которых низменное начало в человеке выдается за его сущность. Но в человеке и то, и другое. И победа одной из крайностей – смерть.

Комплексы

Сейчас чуть что: «У него комплексы». Обыватель чего только в эти слова не вкладывает! Без «комплекса» современного человека представить себе трудно. У революционера свой комплекс, у писателя свой, у артиста... и т. д.

Для обывателя комплекс — это странность, болезнь. Так и вспоминается лесковский «Однодум»: «Всякому то странным кажется, что самому несвойственно».

Опыт ошибок

Сказано: на ошибках учатся. И, точно, если руку обжёт, больше в огонь не сунешься. Но ошибки ошибкам рознь. Сколько бы я ни узнавал о своих ошибках, какой бы опыт при этом не получал, я повторяю их непрерывно, даже сознавая, что делаю то, что мне вредно. Но не могу иначе. Не могу молчать, если мне защемили душу. Инстинкт сопротивления срывает прежде разума, да и разум вполне с ним согласен. Наверное, есть опыт внешний и есть внутренний. Внешний говорит, промолчи, избежишь столкновения, а внутренний отвечает: не могу молчать. И внутренний прав. Он сохраняет во мне мою сущность.

Часто же просто не помню прошлого опыта. И не опыт, а доверие к инстинкту жизни заставляет меня вступать в столкновение с людьми, о мелкости, злобе которых я знаю.

Деловые люди

Без таланта и деловитости в жизни трудно чего-нибудь добиться. Но талант и деловитость редко идут рядом. И хорошо, когда напористость и деловитость даны добрым людям, а часто бывает наоборот. И если бы все были напористыми и деловитыми, что бы это было? Но деловитость, большей частью, как и талант, свойство природное. И учиться тому, что тебе от природы не свойственно, вовсе не следует.

Печальная картина

Все хотят быть счастливыми, и все счастье своё видят в достижении. Но, достигнув желаемого, счастливыми очень часто себя не чувствуют. Это значит, что не тот путь человек выбрал и не то счастье искал. И, бывает, что от достижения человек становится не лучше, а хуже, и даже мстит кому-то за это. Для многих счастье — это ступенька над другими людьми к успеху и власти, и ещё ступенька, и ещё — и вот вся жизнь только из этих ступенек и состоит.

Как-то летом проходил я в Измайловском парке мимо открытого ресторанчика. Двое молодых людей вышли на веранду. Лица осоловелые, глаза мёртвые. И вот, слышу, один говорит другому:

– Главное, ты теперь человек, а они...

И осекся, увидев, что я на него смотрю.

Похоже было, что один из них защитил кандидатскую, но что-то там случилось не так.

Я подумал: «Вот ведь как печально: учился человек, трудился, а пришел заветный день — ни радости, ни веселья, а только злость да обида на кого-то». И выходит, приобрёл он не то, что нужно душе для счастья, и не только не научился жить, но потерял и то, что имел. Если ты приобретёшь весь мир, а душу свою потеряешь, на что тебе такая победа? — говорится в Библии.

Печальная это была картина. И, может быть, столько обид, унижений пришлось хлебнуть каждому из них, прежде чем стать таким вот «человеком», сколько дурных примеров насмотреться! Сколько их обижали, прежде чем они начали других обижать! И получилось так, что путь к образованию стал для них той ступенькой, с которой они могут делать зло другим людям.

«Все лезут в перьвые...»

Слова из песни Вл. Высоцкого. И точно: все лезут в писатели, в артисты, в кандидаты наук, в чиновники. Быть бы наверху, добраться до сливок! Но дело тут не только в корыстном расчёте. Внизу всё обезличено, закатано катком. Наверху хоть какой-то глоток воздуха.

Усилиями воли можно, конечно, многого добиться.

Но есть и другой подход. Не навязывать жизни свою волю. Если призвание – просто жить: живи, не поднимай пыли. Жить так: достаточно высокое призвание для человека. Кто тебе сказал, что ты должен что-то сделать на земле? — спросил какой-то философ.

Литературное чудо

Пытаясь объяснить литературное чудо средней России, говорят о том, о сём, о каком-то особом магнитном поле, но забывают о живом народном языке. Как он отзывается в душе: вот что главное для писателя. Без музыки языка не было бы ни Тургенева, ни Толстого, ни Фета, ни Бунина.

Целебная смола

Всё лучшее создаётся в отречении, в предельном напряжении души. Понимаю это по себе в молодости. Душе было плохо. Вся она была в слезах и скорби, как горячий комок. Всё для меня было закрыто в жизни. Боль моя собиралась в душе и капля по капле сочилась из неё, как смола на рану, превращаясь в целебные слова.

Источник счастья

Молодой поэт жаловался на одолевающие его горести, на разлуку с домом.

– В человеческом смысле, желаю вам, чтобы вашего горя не было, – сказал я. – Но в творческом... Вы — счастливый человек, пока у вас есть это чувство страдания. Вы будете петь, пока сердце ваше кровоточит. Как только успокоитесь, музы отлетят от вас.

Так и все мы: считаем себя несчастными там, где, может быть, и заключено единственно доступное нам счастье. Всякое чувство, всякое переживание — благо; покой — смерть. Оттого мы и вспоминаем прошлое с сожалением, что в нём была жизнь.

ДЫМ

Почему-то сегодня утром перед тем, как окончательно проснуться, пришло в голову в ясных словах, что тургеневский дым из одноименного романа — это не только туманное облако, пар, который рассеивается, как воспоминание о пережитом, но и самый дым — это тоже родина, которую человек носит в душе.

Съезд писателей

Как возбуждительно подействовали на меня стенограммы съезда писателей! Всю ночь без сна, с усталостью в глазах. Голова тяжёлая. Чувство национального оскорбления в лице В. Астафьева, и эта холопская выходка писателя Т. Подумывал о письмах в Грузию, писателю Т., В. Астафьеву. Всё кипит во мне. Тихой нашей жизни пришёл конец.

В. Астафьев в своём очерке рассказал о том, как его приняли в Грузии, поместив в каком-то чулане в гостинице для писателей. Грузины обиделись. Почему-то о русских можно писать всё. Но как только о человеке другой национальности, то только хорошее. Хорошо сказал об этом В. Распутин, и трусливо другой писатель. Его книга о собаке — хорошая книга, и она будет жить долго. Но это не значит, что все слова и поступки этого автора заслуживают такой же доброй памяти.

Я за многообразие мира, но за такое, в котором мой родной народ не был бы унижен.

«Мы не дружные»

Читаю «Слово о полку Игореве» в переводе Д. С. Лихачева и его комментариями. Количество страданий в истории моего народа всегда поражало меня. Почему, отчего? От характера нашего сложилась наша история — это ясно. Но характер отчего?

«Мы не дружные», — сокрушенно говорила моя бабушка. Столько горькой убежденности слышалось в этих словах, сколько скорби в покачивании головы, что я и теперь помню это.

«Мы не дружные»! Слова эти звучали несчетное множество раз за нашу историю. Но если мы всегда это понимали, что мешало нам сплотиться? Неспелость ли народной души, нежелание ли борьбы, надежда на «авось», недостаток ли мужества? Всё ли это вместе? Но откуда в нас эти качества? Степь ли нас так напугала, или было что-то ещё в самой крови нашей? Ведь и до степи род шёл на род, племя на племя. «Славяне не дружны и не любят друг друга», — отмечали еще древние историки-чужеземцы. Вот, может быть, в недостатке любви и было дело? Неужели только сильная власть способна сплотить нас? Тогда да здравствуют все блага деспотизма и прелести кнута! Но ведь рабство не может сделать человека сильным.

В каждом народе есть плохие и хорошие люди, но есть и общие черты народа, не заслуживающие похвалы. И в плохих людях эти черты проявляются особенно неприятно. Все разговоры о братстве с такими людьми — умасливание хищников, проявление слабости и поощрение наглости. Мы, русские, готовы быть братьями всем, но не все хотят с нами брататься. А неравный союз нам не нужен. Рог гордыни должно сокрушать, а не уступать ему. Так было в России Петра Великого, Ломоносова, Пушкина, Толстого и Достоевского... Но не в Советском Союзе и нашей нынешней России, где национальная гордость великороссов объявляется имперским шовинизмом.

Чего только не рассказывают нам наши иностранные корреспонденты! И как увлекательно и красиво! Остаётся только открыть глаза и уши. Так рождаются наши мечты о синей птице. Сколько мы знаем о мире и ничего о себе.

Это удивительно, как понимаем и уважаем мы обычаи других народов (и всё это искренне) и как глубоко (и так же искренне) презираем свои и глумимся над ними. Издалека, конечно, это идет. И всё же — откуда? И будет ли этому конец?

Новую Россию надо строить близ старых могил. Тогда будут и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, и Тургенев, И Достоевский, и Блок...

Друзья мои и недруги! Не цепляйтесь к фамилиям, к предкам, к чистоте крови! Сначала человек, потом его национальная принадлежность и вера. А иначе нельзя будет жить, нечем дышать.

Человек и народ

Много раз замечал: если сойдутся два человека разных наций и заговорят о чем-то, что важно каждому человеку в отдельности, то и совсем неважно, какого они народа. И, думаю, не люди сами по себе чаще всего враждуют и ненавидят один другого, а те сообщества, в которых они живут: государства, правительства, партии, идеологии. Только что были почти друзьями — и вот уже враги. Задета честь народа, вернее, тот образ чести, который каждый создал о себе. Все мы такие преувеличенные формы чести знаем, и знаем людей, которые ничего, кроме похвал о своём родном народе, слушать не хотят.

Другая, ещё более отвратительная крайность, когда свой народ оплевывают в глаза и за глаза.

Возрождение России — великое дело. Но всякое национальное движение сопровождается крайностями. Всё, что накопилось, вырывается наружу сгустком обид. Будем помнить и то, что нельзя подносить огонь слишком близко к лицу, своему или чужому. Главное — это лицо человека.

Споры народов так же древни, как и различия между ними. И нельзя одному народу связывать руки или затыкать рот в споре. Право самозащиты — святое право. Но от черносотенства избавь нас бог.

По радио «Ода русскому огороду» В. Астафьева. Счастливые минуты. И какое чтение! (В. Бочкарев). Народ, способный так чувствовать и выражать свои чувства, достоин лучшей участи.

Удивительно: у человека всего пять чувств. Но какое разнообразие в выражении, в оттенках! Всем хватает в безмерном океане жизни в ту меру, какую он может вместить.

«Молодой писатель»

На собрании в писательской организации, обсуждая рукопись моей книги, говорили, что «родился новый талантливый писатель», называли «молодым» и только по имени без отчества. А «молодому» уже почти пятьдесят. Лет двадцать не был он на писательских собраниях, с того памятного дня, когда его «отделали» за «несоветский дух». Что же случилось? Отчего вдруг такая перемена? Откровение у нас, как всегда, нисходит свыше. Идет компания за «человеческий фактор». Оказывается, к человеку нужно относиться внимательно. И вот признали во мне человека и писателя, но не вполне, а условно. Негласная табель о рангах. «Старые» писатели — действительные статские, а «молодой» — титулярный советник, которого отчество знать не обязательно, и можно держаться с ним, как с мальчиком, и даже не чувствовать никакой неловкости за это.

Говоря о чужих «недостатках», мы забываем, что судим со своей колокольни. То, что одному кажется недостатком, другому может представляться достоинством, если, конечно, это не элементарная безграмотность. Главное же: не в «недостатках», а в том, как они соотносятся с достоинствами. Книга без таких «недостатков» всё равно, что стёршаяся монета, что человек без лица. Единство достоинств и «недостатков» — тот бульон, в котором зарождается жизнь, та гармония, без которой невозможна музыка.

Нельзя заставить человека петь не тем голосом, которым наделила его природа, не так чувствовать и говорить, как он может. Бери от человека то, что он может дать, и не требуй того, что ему несвойственно. Горе-критики поступают как раз наоборот. Но где не бывает «недостатков», там часто не встретишь и достоинств.

Лучше быть самим собой со всеми своими недостатками, чем никем.

Всю мою жизнь мне мешали говорить, зажимали рот. С кого мне спросить за это? По какому праву мне не давали дышать, ради какого блага? Кому предъявить счёт? Ответ я знаю. Но виновник так огромен, так неуловим, что и не услышит моего вопроса.

Пленум

Пленум Союза писателей в Москве. Речь об отношениях народов и языков. Мстительные национальные самолюбия. В подтексте: корень всех бед – русские, тот самый «старший брат». Так часто бывает в жизни: старший отдаёт младшим последнюю рубаху, делится куском хлеба; младший вырастает в убеждении, что так и надо. Судят, капризничают, обвиняют. Презрение и ненависть к «старшему брату», выростившему, выучившему и отправившему их в жизнь, становятся привычными.

Без чувства самоуважения не может быть счастлив ни народ, ни человек. Только одни чувство это строят на братстве и скромности, другие хотят вырвать силой.

Очень важно, из каких побуждений человек берётся за перо. Бывает, что и написано хорошо, и слова благородные, а что-то не так. Помню, как один молодой ещё журналист говорил: «Я им покажу! Вот напишу всю правду, разворошу муравейник...» Так и слышалось: вот я вам, будете бояться и помнить. И не о самой правде он заботился, а горел желанием свести счёты. Но это уже литературный терроризм. О таких людях сказано: язык без костей, а душа без совести. Что в ней есть дурного, мелкого, всё равно вылезает наружу. Шила в мешке не утаишь.

Писать надо так, чтобы не краснеть ни за единую строчку. Дурно написанные книги происходят оттого, что автор не знает, не спрашивает себя, имеет ли он право на слово. Просто перешагивает невидимую границу и вламывается туда, куда ему путь заказан.

Наши тенденциозные публицисты похожи на щедринских господ-самодуров. Стоит им набрать силу, и они начинают раздавать одним оплеухи, другим похвалы. То и другое только потому, что им так «нравится».

Споры

В «Литературной газете» о «Печальном детективе» В. Астафьева: поносит интеллигенцию, и как он смеет? Но разве то, что описано в рассказе, — интеллигенция? Конечно, старая русская интеллигенция в массе своей была и слабой, и расплывчатой, большей частью, от деликатности, но и жертвенной, не мыслившей жизни без идеалов. Теперь же она, за немногими исключениями, прикормлена властью, запугана и мало похожа на прежнюю даже внешне.

Так имел право писатель замахнуться или не имел? Но ведь споры эти бессмысленны. Писатель с правдой в душе такой критике не подсуден. Ничего личного автор в виду не имел. Он будет писать так, как скажут ему сердце и совесть. Это и есть его собственный суд.

Спорят о судьбе провинциального писателя и вообще всякого стремящегося к свету жителя глубинки. Гадают, отчего это все рвется в столицу. Тема старая, как мир. И загадка проста: дефицит культуры, как, впрочем, и всего остального. Мысль расцветает там, где ею насыщен воздух, где много театров, музеев, творческих людей, где, как в аккумуляторе, собрана энергия.

Другое дело, что надежды провинциалов в столице часто не сбываются. Здесь и свет ярче, и тень гуще.

Сколько чепухи, ненужного вздора говорится в нашей печати, по радио и телевидению и не говорится самого главного, что поневоле думаешь: за истиной надо обращаться только к писателям прошлого. Они умели смотреть в корень, говорить о самом важном. Нынешние почти все помешались в уме.

Книга верности

Одного писателя, даже одну его книгу, читаешь всю жизнь. И впечатление всегда одно: безобманного наслаждения. Так читаю Г. Флобера «Воспитание чувств» (и совершенно с другим, неприятным чувством почему-то прославленную «Мадам Бовари»). И то, и другое с первого впечатления.

А бывает наоборот: сначала восхищение, жадный интерес, потом остывающая сдержанность, потом сомнение и, как выдох, отчуждение.

Тут, наверное, как в любви. Бывает книга сомнений и измен, а бывает книга верности.

Многие беды на земле, весь сор жизни – от ложных страстей. Сколько пророков это говорили! А разве изменился человек? Изменился мир? Может быть, теперь настало последнее время, когда ещё есть возможность одуматься.

Провинциальная литература

Все лучшие наши писатели сейчас — это люди не из столицы. Да и вся русская литература прошлого разве не провинциальная? С «маленького», простого, провинциального человека, станционного смотрителя, гоголевского пасечника, тургеневского Герасима, Макара Девушкина началась большая литература.

Если недостаток интеллигенции — мягкость, то что сказать о людях с каменным сердцем, знающим одно только «дело»?

«Музыка смягчает душу!» — так сказал бы я тем, кто не знает, зачем на земле цевница Аполлона.

Всем делам на земле есть место, но нельзя, чтобы душа затвердела только в делах.

«Мы оканчиваем свой земной путь, оставив не более ста листов написанного и произнесенного. А, между тем, сколько остается несказанного!».

Пришло во сне, когда я заснул перед утром второй раз, как слова какого-то героя, в котором была и часть меня.

Отчего трудно пишется? Оттого, что до низкой жизни благополучному писателю надо как бы нагибаться, а без неё нет корма для пера. Но писатель не белоручка, аристократом быть не может. Жизнь — его пища со всем её сором.

Много говорят и пишут о писателях и поэтах, не оставляя ни одной косточки не тронутой, ни одного секрета в тени, называя это наукой об их жизни. И вот вместо тайны — примелькавшееся лицо, привычные слова: всё, как стёртая монета.

Наше время, как поле несейное, в душах развалины, и дикие псы бродят между ними, жирея на разложившихся останках. Все грамотны, но мало образованных. Духовно обеднённое время. Дошло до того, что редко увидишь человека, идущего из библиотеки с книгой в руках.

Бывает, с человеком долго не соглашаешься, не желаешь видеть в нём то, что не видеть, не признавать мудрено. Но мы умудряемся не видеть.

Время

Время течёт, ни на миг не останавливаясь, как вода в реке. И если бы мы замечали и чувствовали эти изменения, заключённые в каждом миге, это сначала, наверное, было бы страшно, а потом изменило бы всё.

Дома человек, как в горнях, а вниз сойдёт, на улицу, попадает в чистилище, а то и похуже.

Современное человечество слишком занято мыслями о жизни как об источнике удовольствия, а смертно оно так же, как и прежде. Думать о смерти, конечно, бессмысленно, но не думать нельзя. Каждая смерть близких выбивает клинья из нашей жизни. Вся жизнь человека между жизнью и смертью. А мы живём гордо, как бессмертные, пока беда не переломит нам хребет.

Скверны преисполнен человек и постыдных помыслов и в смертях близких своих повинен. Вот о чём подумать бы надо. Всё изначала для себя и через себя, да не всё на пользу себе и другим.

Жизнь всему даёт место и всё преодолагает. Не из одних радостей состоит она и не из одних печалей. Всему своё время. И во имя жизни надо забывать о смерти. Живым — живое. И мило думать о живом. И оттого что жизнь не вечна, она только прекраснее и дороже. После холода и мрака болезни, когда призрак смерти, кажется, заглянул нам в глаза, несказанно приятно возвращение к жизни. Так что удивительного, что люди больше думают о жизни, а не о том, что за ней? Жизнь — всё, за ней — ничто.

Подвиг прощенья

Как, в сущности, страшно то, что называется жизнью! Насильственные смерти, несчастья, болезни, сердечные огорчения... Люди медленно убивают друг друга жестокостью, равнодушием, непониманием, часто не замечая этого. И вот кто-то не выдержал, сорвался, перерезал нить. Жизнь — единственное, чего нельзя повторить.

Утешаемся тем, что за зло бывает возмездие, и сами зло творим. Но разве возмездие — это то, чего ждала наша душа? Месть — только отблеск справедливости. Душа же наша безутешна не оттого, что нет возмездия, а оттого, что зло совершилось, и этого уже не отменить, не поправить, не сделать не бывшим. Нет пути назад. А путь вперёд неужто только через ответное зло? Но что оттого, что ты оплатил за обиду? Обиду ты тем всё равно не смыл и зло не исправил. Одно прощение всё примиряет. Но нет ничего труднее и ничего легче подвига прощенья. Может быть, главное в русском характере — это способность прощать и забывать.

Смысл нашего общественного воспитания сводится к тому, чтобы отучивать от естественности и приучать к лукавству и двуличию. И на это тратятся лучшие силы человека! И вот он слаб, нерешителен, труслив и противен сам себе.

Отчего люди не любят друг друга? Начинается с того, что человек ненавидит сам себя и от этого ненавидит весь мир.

Посмотришь вокруг, послушаешь: Господи, откуда такие лица, жирные, тупые, самодовольные? Думаем, гадаем: откуда да отчего? Массовую культуру придумали. Она, дескать, виновата. Но и массовая культура может быть разная.

Смотрю по телевидению передачу о книгах с неким ведущим и вижу: не любят её создатели ни чтения, ни книг, ни людей и не знают, как следует, ничего. Сидит этакий ведущий со значительностью на сытом круглом лице с заплывшими глазками, рассуждает о чём-то, в чём ни мысли свежей, ни живого слова. А тело, облаченное в дорогой костюм с нахальной змейкой галстука на белом, так и дышит избытком довольства. И мурлычет он свои должностные канцелярские оды всем генералам от литературы и их книгам напропалую.

Ближе к ночи фильм «Осенний марафон». Сначала показалось, что это история о безвольном человеке, опутанном ложью. Но лжёт-то он от человечности, мягкости, деликатности, жалости к людям. И фильм не только о нём, но и о тех, кто этой мягкостью пользуется. Ложь

может быть или не быть (часто она вызывается обстоятельствами), но если не будет человечности, зачем и для кого тогда правда?

Русский язык

На кафедре литературы говорил с учёной дамой о русском языке. Пробовал втолковать, что язык, которым пишут и говорят сейчас образованные люди, газетный, почти сплошь из штампов, ужасно книжный, со множеством заимствований, не русский по духу своему, да и словарю тоже. В нём нет музыки, исчезли пословицы, живые народные обороты.

Серый, безличный, внешне грамотный язык, как волной, смывает плодоносный слой живой речи, на которой возшла вся русская литература, слизывает, как корова языком.

И ещё беда. Чужая лексика, подобно саранче, съедает зелёное поле родного языка. Это вторжение идёт от равнодушия к отеческому слову, от презрения к нему. Добро бы ещё обогащались понятия от прихода иноязычных «гостей», а то ведь и того нет. Больше ли говорят такие замены русскому слуху, красивее ли они? Нет. Многие слова теряют свое нравственное содержание. Вместо «взяточничество» — «коррупция». Вместо: «хорошая книга» — «информативный текст». Теперь не говорят: «иди быстрее», а «в темпе». Примеров множество.

То, что стремились сделать наши враги силой: истребить языковое сознание, делает добровольное языковое предательство. Своими руками подрезаем корень народности, отказываемся от родства с предками, давшими нам жизнь, землю, слово.

Но если это измена, то надо прямо так и сказать. Укол стыда в сердце может помочь очнуться.

Словари

Создатели искусственного языка забыли мудрое правило: не предписывать языку законов, а следовать им. Глухота грамматики перешла и в создаваемый ими язык.

Давайте же говорить на живом, а не на выведенном в пробирке, вымороченном русском языке!

Но как же быть с уродливыми словами, которые, как сорняки в поле среди добрых злаков, встречаются и в народном языке? Язык, конечно, нуждается в защите. И здесь нужны чуткое ухо и понимание красоты.

Всё чаще слышим, как скороговоркой выпаливаются слова, занесенные ветром из бумажного, канцелярского языка: «лимитирует», «локализует» и т. п. Всё то же можно сказать и на своем природном языке, но людям хочется чего-то нового. Это можно понять. Однако за иностранными словами с ничего не говорящими русскому уху корнями так легко прятать расплывчатость смысла, незрелость суждений, плохие намерения, приблизительность знаний и всяческую пустоту. Пёстры слова, удивляют небывалой формой, а за ними ни души, ни мысли, одно блудословие, язык без костей, и человек без стержня. Отсюда же и лжеучённость, смешение простых понятий, привычная кривда вместо прямодушия, и растрение душ.

То же и в музыке. Русское слово не ложится на ритмы новой эстрадной и рок-музыки. Значит, надо исказить произношение самых простых слов до неузнаваемости. Несовпадение ритма — признак чужеродности этой музыки нашему речевому началу. Но блудные дети не смущаются, а даже как бы щеголяют, кокетничают этим ломаным, полурусским наречием. И всё это оборачивается бесчестьем языка и народной души.

Что я видел от литераторов? Помню, в юности от каждого писателя вещего слова ждал, а встречался всё с такими... Кроме черствости и суровости, или непонимания ничего не получал. После одного такого «обсуждения» лет десять на порог писательской организации не ступал.

А много ли каждый из нас от собратьев по цеху тепла да привета видел? Откуда бы, кажется, в писательском сердце, оголённом и чутком к добру и злу, столько чёрствости? А, между тем, чаще встретишь именно таких.

Река и ручейки

«Достоин или недостоин», — судят литературные начальники и выносят приговор. Прежде чем судить о произведении, надо научиться уважать человека, его право слова.

Между тем, право это присвоено издателями, критикой, цензурой, как право первой ночи присваивалось сеньором. Литературные начальники разрешают и запрещают, выпрямляют, милуют и казнят. Но мысль человеческую нельзя остановить.

Всему своё место в этой жизни. Каждый ручейк ищет свой путь к большой воде. И если перекрыть им путь, то может иссякнуть и большая река жизни.

Поэзия

К поэзии нельзя подходить с заведомой целью вычислить, найти ошибку. Но многие «критики» именно так и поступают. Их задача не насладиться ароматом цветка, а выискать тёмную точку на лепестке.

Песок в колесе

Поэзия – это музыка. Один неверный звук может нарушить гармонию стиха. Так песок, попавший в ось колеса, отдаётся при движении скрипом.

Макулатура

Огромная книга почти в тысячу страниц. Роман некоего Г. Поразительное сочетание грамматической правильности и пустоты. Каким надо обладать умением, чтобы соткать из паутины слов платье «голого короля»? Пример мастерства без души. Изумление фактом такого «творчества». Надо же написать тысячу страниц... ни о чем! Автор – преподаватель в Литературном институте, мэтр стиля. Может быть, его роман — упражнение на тему формальных законов языка, вроде «глокой куздры». Здесь плоть языка разлучена с его душой. Но, скорее всего, автор так и представляет себе творчество.

И всё это легко проходит сквозь сито редакторства и идеологической цензуры. Может быть, здесь сыграл роль авторитет имени и близость к издательствам, в которых сидят его вчерашние ученики. Но в результате – макулатура на хорошей бумаге, занявшая место какого-нибудь, действительно, достойного произведения. При том, ещё и гонорар, тоже отнятый у другого автора.

Для чего существует литература? Конечно, для души, ответит каждый. Но ведь душа изменчива, как вода в реке времени. Сегодня одна, завтра другая, послезавтра третья. И литература передает эти изменения. Состояния души разные, но сама она одна.

Во всём какое-то торжествующее безумство, глумящееся над потерявшим голову здравым смыслом. Мы живём в царстве абсурда. Боимся здравого смысла, как ночные птицы света.

Когда люди перестают находить радость один в другом, а в жизни — надежду и веру, они ищут то и другое в вещах. И мир становится похож на один большой универсальный магазин, где есть всё, кроме счастья.

Художественная выставка в Москве на Кузнецком мосту. Прошёл к художнику, чтобы сказать ему, что мне его живопись напоминает что-то из авангарда 20-х годов. Он оказался учеником Фалька, Лентулова. И, кажется, обрадовался такому голосу из публики.

Подошёл какой-то журналист с лицом, знакомым по телепрограммам. Спросил художника, а потом и меня, что больше всего не нравится нам в людях. Не помню, что ответил художник; я же сказал: грубость, та грубость, которая не слышит чужую душу. Журналисту это почему-то не понравилось. Вероятно, он, как и многие, отождествляет грубость с мужественностью.

Цыгане

На днях по дороге с рынка кучка цыганок. «Скажу всё, что было, что будет. Ничего не надо. Дай только ручку. Положи три рубля...». Еле отвязался.

Хожу мимо этих детей Ганга с опаской. Очень им кажется несчастным моё лицо. Так и кидаются. Профессиональный взгляд сразу угадывает жертву.

Письмо

Пришло письмо из «Нашего Современника». Благодарят за поддержку В. Астафьева. История с его рассказом «Ловля пескарей в Грузии», вызвавшим болезненную реакцию писателей-грузин. Но имени в прибавлении к «уважаемый» написать забыли. Мысли оказались нужными. Но о публикации ни звука. Сколько так было! Да, говорят, интересно, но... С этой своей откровенностью я так и не попал на борт парохода современности. Думаю, что место у меня там было, но его занял кто-то другой и плывёт себе спокойненько. А что если половина мест на этом пароходе занята не теми людьми?

Прогресс

Времена меняются – это верно. И что нельзя вечно стоять на месте – тоже правда. Но всё-таки что-то должно оставаться: не на пустом же месте новые ветки и листья на дереве растут. То, что называют прогрессом и чем-то совершенно новым, часто есть просто порождение человеческих заблуждений. Их может быть больше или меньше, чем находок, – и это вовсе не движение вперёд.

Время наше поспешное. Обязательно ли отказываться от старых ценностей только потому, что они вчерашние? В вечных образцах красоты столько жизни, что можно до скончания веков черпать из них гармонию, и мудрость, и здоровье. И никто от этого не устанет, и никто не пресытится. Да о пресыщении ли речь, когда большинство человечества не знает и этих ценностей? «Служенье муз не терпит суеты». Не надо спешить поставлять на житейский рынок множество скороспелок, гладких снаружи, но пустых внутри. Это я о переделках литературы для театра и кино.

По телевизору балет «Дама с собачкой». Чехов, наверное, посмеялся бы. Много эротизма, смелых движений, и совершенно нет чеховского чувства. П. – не Анна Сергеевна, а, скорее, infernalная женщина Достоевского. Костюмы для русского балета... от Пьера Кардена. Сама стилистика постановки, танца не русская, в угоду европейскому модерну. Дух балета: физиология, а не чувство любви. Всё пластично, выразительно. Языком движений можно сказать очень много, особенно если не стесняться. Но опять-таки, разве это Чехов?

Много сейчас разных сценических прочтений литературы и при этом много отсебятины, никому не нужной, кроме постановщиков. Киношникам тесно в рамках литературы. Вот они и придумывают то, чего нет у писателя. Если у автора готовый образ, а вы в кино или в театре его переосмысливаете, то это искажение оригинала, посягательство на авторскую собственность.

Но если литературный образ дан намёткой, недосказанностью, тут ищите несказанное между строк. Тут свобода прочтения, но лучше в согласии с авторским замыслом.

В театрах странная мода. В погоне ли за смелостью решения, в поисках ли зрительского успеха, постановщики несут столько безвкусной чепухи, что остаётся только недоумевать. И всё как-то легковесно, без понимания глубинного смысла и последствий этой смелости. Часть публики, падкой до всего сомнительного, всё жадно впитывает, принимает за чистую монету. Другая же никогда открыто не протестует, не шикает, не бросает апельсины на сцену. Она слишком воспитанная и не свободная. Мы не в Италии.

Норманисты уверяют, что славяне не способны к самостоятельной государственности. Вряд ли это так. Просто всякий плод созревает в своё время. Да и государство отнюдь не выс-

шая и, тем более, не вечная форма общественной жизни. «Временное зло», как выразился К. Маркс. Общинные же начала вечны. Они были до государства и будут после него. Кто-то сказал: «Империи держатся насилием, человеческие общества — совестью».

Более цельными, духовно здоровыми представляются русские люди прошлого. И всё оттого, что воспитательные основы были крепче. Здание строилось прочнее. При всех недостатках Россия была их домом. Потом она стала лабораторией мировой революции.

Природный русский патриотизм давно не в моде, даже слова эти произносить небезопасно. Есть только советский. Люди привыкли к мысли, что лучше молчать. Нет его — и ладно, как-нибудь проживём. Разговоры на эту тему кажутся странными. Ухо отвыкло от этих слов.

Если бы хоть некоторые из нас были такими же сыновьями отечества, какими были люди прошлого, прочно стоявшие на родной почве, многое можно было бы изменить, многое поправить!

Вот думаю обо всем этом, а кто разделит со мной эти мысли? Где эти сыновья отечества?

Говорят, счастье — это когда ты нужен людям. Значит, несчастье, когда не нужен. Бывает, человек сам не хочет к людям выходить, своё хранит в себе. А, бывает, что и хочет, да не может, слово его связано. Как будто оградой обнесено то место, откуда слово может разлететься во все стороны света. Что ни говори, как ни объясняй, а всё сводится к тому, что можно назвать духовным геноцидом.

Одни — избранные (кем и за какие достоинства?), другие — даже не званые, а докучливые просители у порога. Избранным они мешают. Особенно, если живут в провинции и не могут толкаться по столичным редакциям. Здесь логика замкнутого сословия, цеха средневекового, высокомерие метрополии к провинции.

Остаётся только мечтать о самостоятельных изданиях, как у братьев Достоевских. Кто знает, что бы мы прочли, какие «Дневники писателя»!

Великое дело — слово. Даже написать, высказать наболевшее — и то благо, глоток воздуха. Из таких глотков и складывается жизнь. Зачем же отнимать её у тех, кому есть что сказать? Каждое задушенное искреннее слово — ещё одно поражение, и не только отдельного человека, но и всего общества, ещё одна болезнь, загнанная внутрь. Мы — больное общество. Страшно представить, что же это будет, когда загнанные внутрь болезни выйдут наружу!

Пустота или воскресение

Говорят по привычке: у нас нет Пушкина и Толстого. И сам я так говорил и думал. Но есть у нас другие, сказавшие то, что прежним не снилось. Глубь народных корней заговорила в В. Распутине, В. Белове, В. Астафьеве. Три богатыря русской литературы. Да и не трое их, а целая дружина; за ними и вовсе целое войско. Есть кому защитить Русь! Сначала словом, а потом и делом. То, что народ копил и берёт в прошлом, теперь высказывается с небывалой силой. Как будто перед последним временем, перед судом божьим! Что только будет после: пустота после наказания огненного, или воскресенье?

«Прощание с Матёрой» В. Распутина близко к пророческим книгам «Ветхого Завета». И имени, кто написал, не надо. Долго будет шагать эта книга по земле и приходить к людям постепенно, как «Тихий Дон», пока не станет всенародной книгой, народным пророчеством. Даже, может быть, не сама книга, а слово сказанное. Оно пройдёт по нашим душам и оставит в них огненный след, когда и книга забудется.

Литература наша ушла на север, туда, где живее сохранилась народная душа, как когда-то уходили целые селения от смуты и несправедности жизни, сохраняя душу свою. Где душа живее, там она страдает сильнее, кричит громче, стонет внятнее. Было: душа страдала сильнее и отзывалась на страдания в средней России – и у нас была великая литература (не в этом ли разгадка литературного чуда плодородного подстепья?). Теперь она идёт к нам с севера, из Сибири, как некогда с Волги пришло ополчение Минина и Пожарского.

Написать бы о такой деревне, которая началась с хорошего семени и держится из рода в род. Как остров посреди моря. Ни ветры её не берут, ни мутные волны не захлёстывают, дурное не прилипает. Уехал, стал другим, забыл заветы рода – не возвращайся, деревню не порти, чужих обычаев не заноси.

Утопия? Ещё вчера таких деревень было много. Ими и держался мир. Не все были «Суходолы» и «Бруски». Что же случилось? Отчего безумие заглянуло нам в очи?

Если люди не могут жить главным, значит, загородило что-то дорогу жизни, перекрыло протоку. Душа ищет выхода и, не находя, заливается, постепенно загнивает. Ключи её иссякают. И живет она уже не по законам здоровья, а по закону гниения. И всё здесь оказывается не так. Плохое кажется хорошим, стыдное – бесстыдным. Это антижизнь. Раньше смерть очищала жизнь, освобождая её от отжившего. Теперь она прикидывается самой жизнью.

Все беды начинаются с уничтожения души. А уж как старательно мы этим занимались и продолжаем заниматься! К застарелой нашей болезни, междоусобице, добавились новые беды.

Газеты, журналы, радио шумят на все голоса. Мудрость городских умников, пророков одного дня. Нет, не из этого источника придёт спасенье, если оно вообще возможно.

Лежал в темноте с закрытыми глазами и думал: вот так придёт мой последний час, такой же, как все другие, до обидного незаметный, а я так и не узнаю, что такое счастье.

Если бы мне пришлось прощаться с людьми, мне хоть в чем-то близкими, я сказал бы им так: «Счастья я вам желаю от всей души, но больше счастья желаю неизбывности жизни до самого последнего часа. Ибо счастье хорошо, горе можно перенести, но если нет жизни в душе, то нет ничего».

Чаще и чаще за собой замечаю, что не откликаюсь на встречные взгляды, и что обо мне думают, мне решительно всё равно. Правду сказать, не то чтобы всё равно. Этого быть не может у живого, а хотелось бы. Ухожу и знаю, что мостков здесь не навести. И ничего мне от этих людей не надо, кроме одного: чтобы они оставили меня в покое.

Бывает ещё, всё реже и реже, такой день, когда хочется сделать или написать что-нибудь такое, чтобы самому счастливым сделаться и других счастливыми сделать. Да, всё еще бывает, но многое уже ушло. Это жизнь уходит вместе с молодостью.

По радио хорошая передача об Алексее Кольцове, воронежском прасоле, поэте. О том, как смеялись над ним в городе, мучили. Остро вспомнил свою юность, как травили меня за то, что не такой, не так живу. А я бился, мучился, не знал, куда спрятаться. И всё это почти без всякого сочувствия, понимания, даже в семье своей. Какая горькая обида! Смерть казалась сладким избавленьем. И, когда совсем уже было невмочь, я убежал в Москву, и там сразу приходил в себя. Как немного, оказывается, было надо! Но этой-то малости я и был лишен. Душа томилась и страдала, как выгоревшая степь. Но и на этой гари поднимались цветы. Каждый росток жизни был сладок. Вот отчего так дороги мне взошедшие тогда из слов цветы. Много раз сходил я в ад и поднимался вверх. Так, из этих схождения и подъёмов и росла моя душа, из этих перепадов от холода к теплу, от мрака к свету, от отчаянья к счастью надежды.

Времена Кольцова, скажут мне, давно прошли. О нет! Судьба Кольцова – вечный удел каждого чувствующего человека с живой душой. Так было и так будет. Нет большего несчастья, чем оказаться с ранимым сердцем среди низости и непонимания, да ещё в ту пору, когда душа жадно впитывает всё, что может взять из жизни. Нет счастья, которого она жаждет, как

иссохшая земля воду, она берёт горе – воду соленую. Господи, сколько горя запеклось в моей душе с той поры! Простить и забыть это нельзя. И вот почему я во всегдашней и неутолимой войне с низкими и подлыми душами. И мира между нами быть не может.

Москва в ту пору была для меня желанной, далекой и близкой, как утерянный рай, страной. И на этой недостижимости желаемого я и воспитал свое чувство идеала. Не достигать, а только желать. Это заменило мне счастье, друзей, семью.

Провинция и столица думают и чувствуют по-разному. Пульс в Москве наполненный, в крови не застаивается кровь и муть.

С утра, как пришёл поезд, ходил и ездил по разным памятным и заветным местам. Как всегда, навестил переулок детства. Старый дом не узнал меня. Он обветшал, одряхлел.

Вечером в Зале П. И. Чайковского на вечере балета. Вспомнил театральную жизнь, раскланивался со знакомыми. Они даже не подозревают, что я не живу в Москве. Завидую этим счастливым людям, вряд ли знающим цену своему счастью. Как хорошо мне бывало в театрах! Я пережил там много блаженных и, может быть, самых счастливых, минут. Если рай – это заполняющее всю душу блаженство, то я бывал в раю. И как больно было покидать его! Наверное, то же чувствовал первый человек, изгоняемый из рая.

Провинция мягче, проще, и обнаженной, что вовсе не лучше и не приятней. Ветхий человек в ней заметней. Время здесь плотней, его слишком много. Оно громоздится над человеком, подавляя его. Человек как-то мельчает. Но в собственных своих глазах становится даже значительнее, самодержавнее. Однако эта самость становится чем-то неподвижным, тяжёлым.

Нигде я больше не чувствую себя хорошо: ни в Москве, ни в провинции. Как «вечный жид», нигде не дома.

Несколько дней не подходил к столу. После Москвы болел с кашлем, температурой; тошно и мутно. По ночам какие-то странные сны: всё как должно было бы быть — и оттого отвращение к окружающему. Теперь понемногу отхожу и снами этими счастлив; стараюсь продлить их в себе, охраняю от внешних вторжений. Состояние спутанное. Об этом надо бы написать. Такие состояния в последние годы обхожу: ведь они порох для взрыва. Помню, как от каждой такой вспышки меня подбрасывало, но пока длился этот полёт из пушки на луну, я мог писать.

В болезни мучились и душа, и тело. Как будто мрачная туча стояла надо мной: ни ветерка, ни облегчения. Теперь, чувствую, что-то сдвинулось и прорастает в душе.

Нынче, говоря о малой родине, думают почему-то только о незаметных городках, или о деревне.

Но двух одинаковых деревень не бывает, как и двух городов тоже. А в городе родная улица, а на ней единственный дом. Нельзя найти вторую такую улицу, дом, близких друзей, родных, даже врагов. Из всего этого и возникает чувство родины. Пока остаётся в родных местах хоть что-то узнаваемое, есть и родина. Но если и все приметы исчезают, остаётся целый мир памяти.

На собрании в писательской организации сказал о том, что любовь к родному краю — необходимое условие творчества, но объясняться в такой любви слишком жирным шрифтом значит преувеличивать роль какой-нибудь одной области в общерусской литературе. Областная литература обречена на изоляцию.

События истории надо вращать не вокруг «малой родины», а историю края надо вписать в общий круговорот событий. В центре должен быть человек, а не место. Такая литература будет интересна всем. Пока же наше областное краеведение — пантеон местночтимых святых.

Роковой день

На мартовском снежке на совершенно ровном месте поскользнулся. Падая, оперся на руку. Всё изменилось в какую-то секунду. Здоровье, бодрость, солнечный свет – всё исчезло, перешло во мрак, как будто на всём ходу вдруг оборвался в пропасть. В глазах темно, боль и почти обморочное состояние. Вызвали скорую. Давление 70 на 40. Оказался перелом. Уложили руку в лубок. Боль утихла.

В приёмном покое больницы сделали гипс. Боль прошла. Медсестры пьют чай. И так мне захотелось сладкого чая и булочку. Мне дали и того, и другого. Истинно человеческое милосердие. На душе стало легко и радостно, как будто этого стакана сладкого чая и булочки мне и не хватало. Иду домой, словно лечу на крыльях. По телефону знакомый: «Что случилось?» Рассказываю. На вопрос, как себя чувствую, отвечаю: хорошо, испытываю состояние счастья. Недоумение. А мне и в самом деле радостно, как не бывало уже давно.

Странно, но о случившемся почти не жалею, даже испытываю что-то вроде благодарности к судьбе. Перешел в какое-то новое состояние, с новыми ощущениями и мыслями, словно сбросил старый груз. Удовольствие следить за ними перевешивает неудобства. Думаю, что человек весь во власти неизвестных ему сил и что может случиться с ним в следующую секунду, совершенно не знает. В этом свете предстает жизнь: и наши усилия, и наши огорчения. Один миг отделяет нас от чего-то совершенно нового. Жизнь и смерть разделяет ничтожно малый переход, в один шаг. Иногда же для этого вообще не нужно никакого физического движения.

Какое же в этих мыслях удовольствие? Не знаю. Но это, может быть, единственное, что позволяет мне подняться над случайностью, да и то после того, как она произошла.

Дом наш всё же стоит на песке.

Перелом закрытый. Рука не болит. В таком состоянии покоя и счастья читаю «Воспоминания» М. А. Дмитриева. Благородная мысль автора, что в человеке надо ценить каждый проблеск дарования, радоваться ему, а не похеривать перед большим дарованием, а то и просто из зависти. Мысль, кажется, совершенно чуждая современным литературным людям. Настрой, почти исчезнувший из нашей жизни.

Много рассказывается о людях, или забытых ныне, или совершенно неизвестных, но славных при жизни пусть каким-нибудь одним добрым свойством. Мы привыкли смотреть на этих людей с оттенком снисхожденья. А, между тем, люди эти были лучшими в своём поколении, а, значит, и лучшими среди людей вообще.

Иметь право печататься должны все пишущие способные люди самых разных мнений и направлений: ни потопа, ни чумы от этого не случится. Бояться писательского наводнения не стоит.

Настоящего писателя мы узнаем по художественной необходимости его творчества.

Если критика — только одно из мнений, то почему от мнения одного человека должна зависеть судьба другого?

Всякая исследование художественного произведения есть попытка дописать его, только другими средствами.

Как любят едва вылупившиеся из яйца литераторы дать почувствовать менее удачливому коллеге собственную значительность, владетельное право в животе и смерти попавшего им в руки неудачника.

Всякий, даже преуспевший автор знает, сколько приходится наглотаться унижений, прежде чем выбьешься в люди. Зато уж потом всё то, что проделывали с ним, он повторит с другими. Но зло от повторений становится всё хуже, а уровень правды всё ниже.

Союз писателей, издательства превратились в цензурный департамент, а писатели – в чиновников разного ранга от всемогущих начальников до бесправных парий.

Рукопись будущей книги рождается в муках и радостях уединения. Но, чтобы сделаться книгой, рукопись проходит через множество рук. И хорошо, если руки эти чуткие и чистые.

Редактор — это акушер, помогающий рождению ребенка. Можно помочь при родах, а можно и навредить. Часто редактирование похоже на обязательную стрижку по установленному для всех одинаковому образцу.

Ремесло

Как можно судить о ремесле, не зная тайн его? Как можно учить мастера делать скрипки, лепить горшки, если сам ничего подобного не делал? А музыку сочинять, книги писать разве легче? А, между тем, многие так называемые критики только этим и занимаются.

Даже если ты и сам художник, судить о чужом создании невозможно, ибо нельзя в точности повторить путь, пройденный другим.

Перечитываю свои старые рассказы. Сколько в них чувства, сумятицы, волнения! Они и теперь нравятся мне, а тогда я был ими ослеплен, как открытием, и не замечал недостатков. Критики же мои видели в них одни ошибки и не желали замечать достоинств. Вот это меня больше всего поражало. И так, поставив крест на недостатках, они похоронили и достоинства.

Повзреление моё, вызревание жизненно-практическое шло медленно. Я долго оставался ребёнком, мальчишкой, и мне неинтересно было понимать вещи, понятные любому и каждому. Я и сейчас моложе многих моих сверстников по общему пониманию жизни. Всё ещё остаюсь идеалистом. И мне ещё расти, умнеть и не скоро достигнуть перевала к старости.

Полнота внимания

Часто сравниваю написанное мною в молодости, с тем, что и как пишется сейчас. Тогда писалось легко, без пота и видимых усилий, так же естественно, как дышалось. И оттого была чистая радость, которой я мерил и художественную удачу. Отчего это было? Думаю, что здесь важна полнота внимания к предмету переживания как к чему-то неповторимому.

По-настоящему счастливым в творчестве бываю тогда, когда удается выразить какое-то важное для меня ощущение, мысль. Слова искать не приходится. Вот этот незаметный переход ощущения в слово и является счастьем пишущего.

Литература — это душа человека в слове. И можно ли на душу живую поднимать топор критика? Между тем, главной прелестью нашей несвободной литературной жизни стало право карающего суда над произведением писателя. Строгость и жестокость литературных приговоров, прикрываемые заботой об идейности и качестве, стали обязательностью, почти хорошим тоном.

«Метафорическая карнавальная проза» — такими словами определил бы я некоторые из своих вещей («Кукла без имени»). Жаль, что эта линия прервалась в нашей литературе в 30-годы! Линия А. Грина, М. Булгакова, Ю. Олеши. О достоинстве её говорить излишне, а о праве на существование — необходимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.